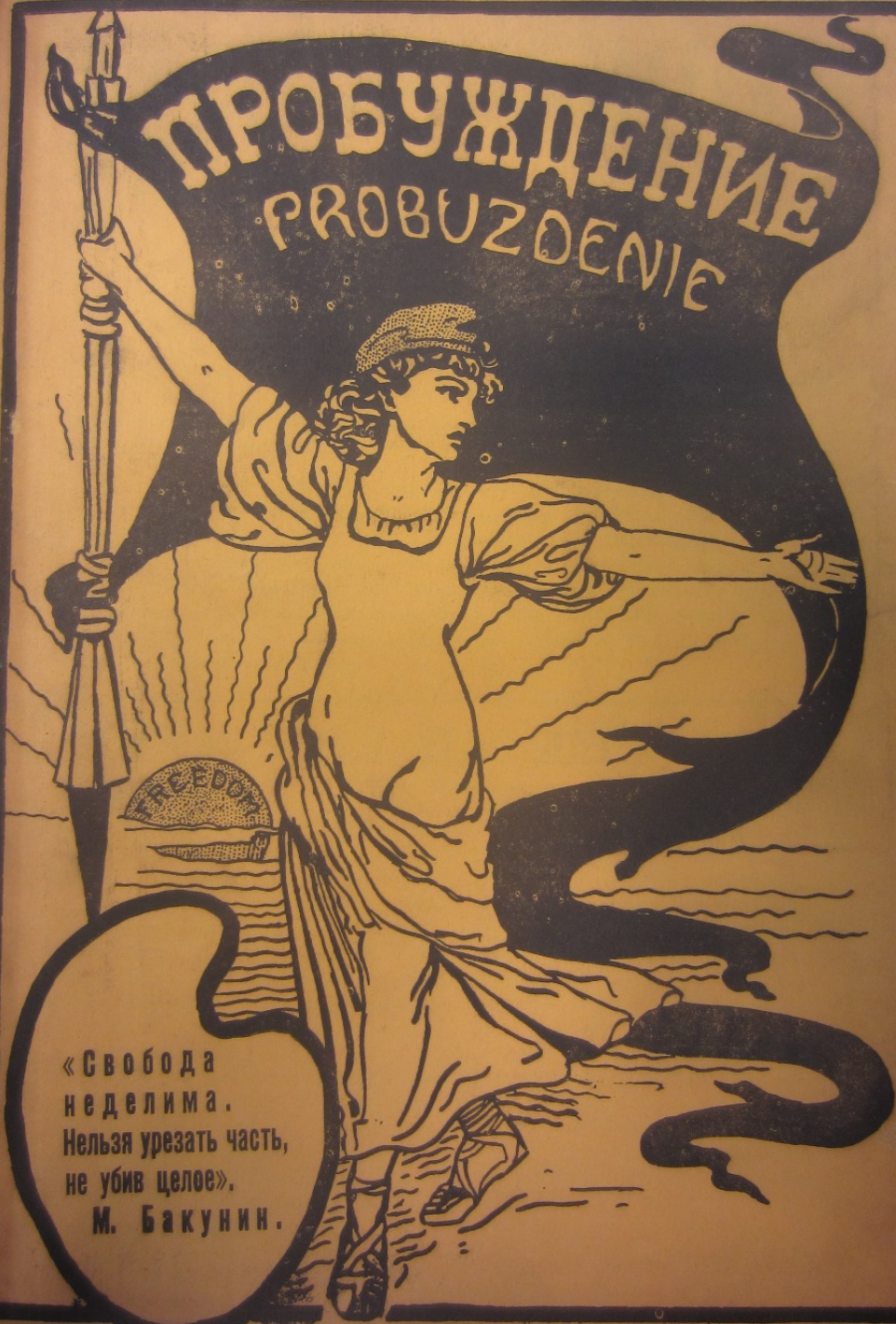

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDENIE

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

Рос 4-1
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

13 ОТДЕЛ

И. В. И. ЛЕНИНА

64-198

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 52—53

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1934 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Чему учит нас депрессия. МАКС НЕТТЛАУ. Пути и цели революции в понимании Кропоткина. —ЖАН ГРАВ. О национализме. — МУРОМЕЦ. Нестор Махно. — АВТОНОМОВ. Правительство в роли стачколома. — НЕСТОР МАХНО. Над свежей могилой т. Н. Рогдаева. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Знание и труд.—МУРОМЕЦ. Стихийность в революции.—В. Х. Наши задачи. —Л. ЛИПОТКИН. Библиография. — Д. Г. Советский «критик» «Записок революционера» П. А. Кропоткина.— Стихи и мелкие сообщения.

ЧЕМУ УЧИТ НАС ДЕПРЕССИЯ?

Принимая хронический характер депрессия учит нас многому. Отчетливее великих логических доводов свидетельствует она, что современный капиталистический строй со всеми его атрибутами — отжил свой век. Защитникам современной системы совершенно нечего выдвинуть в свое оправдание, — ибо все их доводы неизбежно разбиваются о факты горькой действительности. Действительность сильнее всяких красноречий!

Принято думать, что кризисы носят временный характер. Это неверно. Временным можно назвать то относительное благополучие, которое иногда наблюдается при капиталистической системе; кризисы же следует считать явлением постоянным, неразрывно связанным с капиталистическим строем. Капитализм без кризисов не-

мыслим. Объясняется это тем, что вся капиталистическая хозяйственная система основана на внутри - социальных противоречиях. В процессе производства как известно, актуальное участие принимают рабочие и машины. Каждый промышленник больше заботится о машинах, чем о рабочих, ибо первые являются его собственностью, а вторые — лишь наемной силой. Та часть основного капитала, которая идет на технические усовершенствования, постоянно увеличивается, а та часть, которая идет на оплату труда, сокращается. Отсюда и кризис.

Было бы, однако, слишком скороспелым заключение, что, дескать, раз капиталисты больше заботятся о технических улучшениях, чем о наемной силе, то этих самым они дают толчок умственному про-

грессу человечества, выражающемуся в изобретении новых машин. На примере теперешнего кризиса мы видим, что капитализм как раз является преградой в области умственного развития. По заявлению самих же защитников современного строя, многие технические усовершенствования и изобретения до сих пор не были использованы, ибо, как подчеркивают сторонники капитализма, они лишь углубили бы размеры безработицы. Конечно, капиталисты думают, что они этим делают услугу человечеству, так как, дескать, не желают увеличивать кризис. Но в сущности эта услуга — медвежья услуга. Капиталисты не замечают, что они, отказываясь реализовать то или иное изобретение, тем самым ставят рогатки на пути развития человеческой мысли. По мнению так называемых технократов, если бы реализовать все возможности, уже достигнутые человеческим умом, то каждому члену современного общества достаточно было бы проработать три-четыре часа в день для того, чтобы иметь все блага жизни. Но, конечно, капиталисты реализовать всех этих возможностей не могут — ибо уже те, которые они реализовали, прибили к неслышанной действительности.

Следовательно, для того, чтобы выйти из замкнутого круга, чтобы дать человеческой мысли полный простор — нужно отменить современную систему.

Много было толков и споров о частной собственности, но, кажется, ничто так бесповоротно не осуждает этой основы капитализма, как непрекращающаяся депрессия. Если мы хорошо присмотримся к современному положению вещей, то неизбежно придем к заключению, что вся нынешняя трагедия человечества вызвана именно частной собственностью. В самом деле, говоря о депрессии, что мы подразумеваем? С одной стороны, миллионы безработных, живущих исключительно на те крохи, которые дают со стола благотворительной помощи, а с другой стороны — горы товаров, на которые нет сбыта. С одной стороны — нищета, а с другой — горы добра. Спрашивается:

почему же эти миллионы нуждающихся не берут тех предметов, которые им так нужны и которых владельцы не знают где сбыть? Ответ ясен: потому что над горами богатств, портящихся от залежа, красуется надпись: «частная собственность». Если бы стереть эту надпись — среди нас не было бы голодных людей и залежи продуктов.

Частная собственность имела, быть может, некоторое оправдание до тех пор, пока каждый человек самостоятельно производил все ему необходимое. Но в настоящее время, когда производство приняло до известной степени распределительный характер, и когда запросы жизни до того умножились и осложнились, что удовлетворить их самостоятельно не под силу никому из нас, — частная собственность не имеет ни малейшего оправдания. Она должна быть отменена, — этого требует суровая действительность. Кризис не может быть изжит до тех пор, пока широким народным массам не будет открыт доступ к накопившимся богатствам.

Но отмена частной собственности равносильна отмене всего капиталистического строя... Стало быть, с какой бы точки зрения мы ни приступили к обсуждению современного кризиса, вывод получается один и тот же: уничтожение капитализма. Другого исхода быть не может: или капитализм и его неизбежный спутник — депрессия, или свободный коммунизм и полный расцвет деятельности человечества.

Таковы уроки современной депрессии. Все разговоры об улучшении дел и прекращении безработицы без отмены капитализма — пустой разговор. Депрессия — не причина, а результат. Причиной является капитализм. И для того, чтобы устранить результат, нужно прежде всего устранить причину.

Как и всякое социальное явление, депрессия породила немало ложных толкований. Особенно обильный материал она дала для сторонников государственного социализма. «Посмотрите, говорят эти государственники, частные промышленники

M. NETTLAU.

Пути и цели революции в понимании Кропоткина

III.

1883—1894.

К несчастью, более подробное рассмотрение анархического развития Кропоткина в данном периоде (1883) затрудняется тем, что его первое подробное изложение анархизма, имеющее, по некоторым отзывам, тот же размер, что и отрывок Бакунина, известный под заглавием «Бог и Государство», хотя и имеется среди его бумаг, но до сих пор еще не было напечатано, насколько мне известно.

В январе-феврале 1883 года он написал в Лионской тюрьме, по просьбе бельгийского экономиста де Лавеля, обстоятельное изложение, которое Элизе Реклю рассчитывал напечатать в 1884 году. Однако, рукопись не разрешено было послать из тюрьмы. Одна парижская группа предлагала напечатать эту работу Кропот-

кину в 1887 году, но Кропоткин пожелал пересмотреть ее предварительно. После этого, к ничему больше об этой рукописи не слышал. Возможно, что в 1887 году Кропоткину не хотелось, чтобы его раннее произведение оказалось в стороне от его позднейшей систематической работы. В настоящее время этот текст мог бы показать нам, были ли некоторые из тех идей, которые выдвинуты в его трудах лондонского периода, в более или менее зрелом виде, в его уме уже в годы его лондонской жизни (1881—1882), или же они были развиты во время его пребывания в тюрьме и в ранние годы его пребывания в Лондоне. Во всяком случае эти идеи отсутствуют — или отодвинуты на задний план — во время французского периода (1882) его самых горячих, боевых произведений того времени.

Во всяком случае, с того времени (1883) никакие его бумаги не подвергались уничтожению. Происхождение и связь его произведений могут быть установлены с помощью его бумаг. Кропоткин заботливо сохранял свои заметки, наброски и неопубликованные тексты. Когда он уничтожал бесполезные рукописи напечатанных текстов, то его жена всегда, когда только могла, сохраняла даже эти рукописи. Они составляют в настоящее время интересное доказательство того, как упорно он работал. При жизни Кропоткин часто с улыбкой указывал на огромную корзину для белья, которую его бумаги наполняли почти до верха.

Пробыв в тюрьме до 15 января 1886 года, он изучал и работал вплоть до дня, когда амнистия его освободила. Он поддерживал знакомства с активистами лионского района. В Париже, прожив неделю шесть вместе с Элизе Реклю, Кропоткин познакомился со старыми и новыми участниками движения 1886 года. Прежде

не могут справиться с своей задачей, ибо у них нет планового хозяйства. А вот в тех странах, где налажено плановое хозяйство, где все находится под контролем государства — там нет кризиса».

Поскольку речь идет о кризисе — государственники правы. Но они забывают одно весьма существенное обстоятельство: в тех странах, где государство налаживает плановое хозяйство, поправа всякая свобода. Государство владеет не только всеми видами производства, но всеми людьми, населяющими страну. Поэтому, довольно спорно, что лучше — плановое хозяйство и полное порабощение личности государством, или же бессистемное хозяйство, промышленные кризисы и хотя бы относительная личная свобода? Скорее всего — ни то, ни другое не может быть идеалом человечества. Идеал человечества — свобода как в политической, так и в экономической области. А таковую свободу человечество обретет только тогда, когда на земле восторжествует анархизм. Тогда люди забудут о кризисах и рабстве.

чем уехать в Лондон, он, вместе с Луизой Мишель, выступил на большом митинге. Его речь, напечатанная в подробном изложении (март—май 1886) носит заголовок «Анархия в социалистической революции». С 1887 года она широко распространяется в форме брошюры. Здесь Кропоткин доказывает, что мысль «все при надлежит всем» является выражением народных чувств. «Складывание в кучу пищевых продуктов и распределение их по потребностям повсюду, где эти продукты имеются в изобилии, и раздача их порциями там, где запас их ограничен также выражает народное желание.

Это уже практикуется, где возможно. Равным образом, на практике встречаются и индивидуальная инициатива, и взаимные соглашения, при чем нет никакой необходимости во вмешательстве государства или в авторитарно-коммунистических правилах. Таким образом, эволюция развивается в направлении к созданию миллионов групп для всех взаимных человеческих отношений. «Анархия, таким образом, означает освобождение производителя от ярма капитала. Совместное производство и свободное потребление всех продуктов от общей работы. Освобождение от правительственного ярма. Свободное развитие личности в группах и группы в федерациях. Свободная организация от простого к сложному, согласно нуждам и взаимным склоностям. Освобождение от религиозной морали. Свободная нравственность без принуждения и наказания, развивающаяся из самой общественной жизни и становящаяся привычкой».

Кропоткин предвидит революцию в конце 19-го столетия. Ее характер будет социальный, она попытается дать решения в духе свободного коммунизма и самоорганизации. Она может быть побеждена, но оставит эти тенденции (свободный коммунизм, автономия, антисоциализм) в наследство следующему периоду эволюции, как это делают все революции. Таким образом, анархический коммунизм, даже если он будет побежден в

той революции, станет целью эволюции 20 столетия.

Начиная с последних месяцев 1885 года, Кропоткин привлек к себе общественное внимание своею книгою «Речи бунтаря», где были собраны наиболее замечательные из его французских статей в «Револьте» (1879—1882), но здесь они были расположены в ином порядке. Затем Кропоткин продолжал эту серию статей, следуя более строгому плану, с целью выпустить новую книгу «Хлеб и воля», которая и была напечатана в марте 1892 года. Таким образом, от «Экспроприации» вообще он перешел к «Жилищам», «Продовольствию», «Одежде», «Научные потребности» (январь, февраль 1887). Он писал в предвидении близкой революции, возражал против полумер и утонченных мелочных распридаков, которых здравый смысл народа не понимает.

Когда революция побеждает, то перераспределение жилищ должно делаться с помощью местных добровольцев и путем местных народных собраний. В течение нескольких месяцев строительные рабочие могли бы сделать перестройки и воздвигнуть новые здания. Наличные запасы продовольствия были бы захвачены участниками общин, занесены в списки и распределены без потерь, обеспечив продовольствие промышленных рабочих на несколько месяцев. В течение этого времени, эти промышленные рабочие производили бы продукты, в которых нуждается земледельческое население, а взамен получали бы продовольствие. В то же время успешно разводились бы огороды на неиспользованных землях. Все это было бы устроено добровольцами. Затем, на таких началах, которые предусматривают меры против голода, лишений, недовольства, новый прогресс был бы достигнут путем взаимного добровольного соглашения всех, толчок был бы дан улучшениям и изобретениям и т. д. Так как Кропоткин писал это для французских читателей, то, естественно, он постоянно брал для примера Париж и в заключение указал, что

департаменты Сены и Уазы — поистине огромная площадь — превратилась бы, по новому соглашению с Парижем, в самообеспечивающую сельскохозяйственно-промышленную единицу.

Кропоткин обосновал свою точку зрения в статьях, которые не были собраны. И здесь только дам краткое изложение статьи без подписи, напечатанной 25-го сентября 1886 года. В следующих четырех пунктах Кропоткин излагает то, что он называет единственно действительно практическим решением: 1. Захватить немедленно в возставших коммунах все продовольствие именем народа; организовать, не ожидая спасителей (т. е. приказов революционных властей) снабжение продовольствием таким образом, чтобы устранить беспорядки и чтобы все могли потреблять скопившиеся запасы продовольствия и избежать кризис; 2. в то же время прийти к соглашению с производителями продовольствия и предложить им промышленные продукты, какие им необходимы, в обмен на поставленные ими продовольственные продукты; 3. когда существование всех будет обеспечено на несколько месяцев, тогда организовать так, чтобы не производить больше для вывоза, а для удовлетворения нужд крестьян, которые так нуждаются в хозяйственных принадлежностях и инструментах; 4. Наконец, приняться за обработку земель вокруг городов и увеличить в десять раз количество сельскохозяйственных продуктов этих площадей.

Кропоткин настаивал на восстаниях, которые, даже побежденные, прокладывают дорогу и вдохновляют тенденции грядущей революции (статья «Восстание», 9 октября 1886 года). Он усиленно подчеркивал значение восстаний в тех местах, где правительственные силы разбросаны, где восстания имеют время и простор, чтобы развиться и стать всемогущими. Он вспоминает о христианских войнах и бунтах, предшествовавших Французской Революции (6-ое ноября). Также в случае войны, которую он представляет себе в форме германского нашествия, он призы-

вает народ выгнать буржуазию и помещиков, объявить Париж, Лион, Марсель, Бордо «коммунистическими коммунами», причем крестьяне захватили бы землю крупных собственников, возставшие города объявили бы долги и заложные сельского населения аннулированными, после чего города приняли бы те меры экспроприации, которые перечислены выше. Сделав все это, Франция в самом разгаре социальной революции могла бы остановить нашествие и понести факал социальной революции в лагерь врага, и тогда весь мир вооружился бы (8-ое января 1887 г.).

В это время он поселился в Англии (март 1883). Здесь он пользовался симпатиями и уважением и находился в связи с либеральной публикой в качестве защитника русских жертв. Он нашел средства доводить свои взгляды до сведения публики разными путями, пользуясь для этой цели анархическим ежемесячником «Фридом» начиная с октября 1886 года, печатая чрезвычайно тщательно обработанные статьи в журнале «19-ый век», читая лекции и произнося речи на митингах, а также при помощи личных связей. Он удовлетворял все просьбы о выступлениях, с какими к нему обращались вплоть до часа его отъезда в 1917 г., но это была тяжелая задача. Будучи сочувственно настроен, его британская публика была, однако, хорошо осведомлена и склонна к критике. Кропоткин вошел в русские и интернациональные революционные круги в качестве человека опыта, стал наравне с лучшими. После ухода некоторых и после того, как другие сузили область своей деятельности, он, наоборот, свою деятельность усилил и оказался в первом ряду. Рядом добровольно уступил ему место, раз Кропоткин делал все так хорошо. Малатеста, начиная с середины 1882 года до осени 1889 года, был далеко от него. Французские анархисты либо восхищались им, или шли своим собственным путем, не противореча ему, но и не очень прислушиваясь к его мнениям. Но в некоторых английских кругах подлинный интерес к не-

му проявлялся лишь постольку, поскольку он не прибегал к постоянным ссылкам на Французскую Революцию. В Лондоне от него требовали большего и желали видеть в его взглядах нечто иное, чем воплощение духа солидарности и либеральности, которыми дышала вся его личность. Он чувствовал этот скрытый скептицизм и это ожидание от него совершенно точных разсуждений.

Поэтому он прилагал величайшие усилия, чтобы излагать свои идеи самым ясным, самым практичным и, до некоторой степени, локализованным путем. Вместо осажденного и возмущенного Парижа, о котором он постоянно говорил, обращаясь к французскому читателю, он стал говорить теперь о воображаемых британских островах, отрезанных от подвоза пищи с моря и от их мировой торговли. Он переписал заново «Хлеб и воля» — серию написанных или намеченных статей — таким образом, что эти статьи изображали возмущенную и изолированную Англию. Эти статьи были напечатаны в «Фридом» отдельными статьями и продолжали печататься до 1888 года, если не до 1890 года. Если бы обстоятельства позволили напечатать эту серию статей в форме книги, отдельно от французского ее издания 1892 года или вместо него, вместе с некоторыми ранними английскими статьями и лекциями его (напечатанными в «Фридом»), то говорящий по-английски мир имел бы возможность ознакомиться с идеями Кропоткина в более близком и понятном этому миру изложении, чем переведенная на английский язык в 1906 году книга «Хлеб и воля».

Но английские читатели давно уже были знакомы с двумя большими очерками Кропоткина «Научные основы анархии» и «Трудящая анархия», напечатанными в «10-ом веке» от февраля и августа 1887 года и перепечатанными в форме брошюр «Анархический коммунизм, его основы и принципы» (1891). Эти очерки должны рассматриваться, как самые тщательные и полные изложения всего хода идей, изло-

женных в французской лекции «Анархия, ее место в социальной революции» (1886 г.). Разобрав в своих статьях в «Фридом» революционные мероприятия, которые изолированная и революционизированная Англия должна была бы, по его мнению, принять, Кропоткин принялся излагать либеральной британской публике свои соображения о возможности и вероятности возникновения такого положения в Англии.

Появился ряд его статей: «Крушение нашей промышленной системы», «Наступление царства довольства», «Промышленная деревня будущего», «Мозговой труд и ручной труд» (апрель 1888 до марта 1890 г.). К этим статьям позднее добавлены были «Мелкая промышленность Британии» (август 1900) и «Интенсивное земледелие», напечатанные в нью-йоркском «Форуме» в июне 1891 г. Последние две статьи вошли в книгу «Поля, фабрики и мастерские» (1899), которая в позднейшие годы широко разошлась в дешевых изданиях. Первоначально заглавием этой книги было намечено «Интеграция труда», — заглавие, выражающее то сочетание умственного и физического, промышленного и земледельческого труда, которое предвидел автор.

Одним из корней книги является старый мальтузианский страх переизбытка и недостаточного производства пищевых продуктов. Этот страх силен в Англии.

Проблема была поставлена перед Кропоткиным, как указано выше, Полем Робен (в 1879 году), на которого книга доктора Дрисдейла «Элементы в социальной науке» произвела сильное впечатление. Другим корнем была английская гегемония над морями и империализм, который казался британской публике продиктованным необходимостью обезпечить подвоз пищевых продуктов и основанным на английской промышленной монополии и на ее фабричной системе.

Ни мир, ни общественное сотрудничество не казались возможными при таких условиях Кропоткину, который, под влиянием своих старых российских впечатле-

ний, никогда не относился с симпатией к английскому могуществу. Он принялся разубеждать пубliku, предсказывая ей близкий конец промышленной монополии и указывая на выход из грядущих затруднений путем оживления и усиления земледельческого производства на английской почве. Это заставило его погрузиться в детали выращивания кукурузы и фруктов, начиная от опытов в научных лабораториях и кончая земледельческой практикой в наиболее густо населенных местностях Китая.

Он изобразил в соблазнительных красках будущие возможности изобилия, путем умножения всех таких исключительных и местных результатов.

Я не подвергаю сомнению его безчисленные примеры и не знаю, как обстоит в этом отношении дело теперь, 45 лет спустя. Но умножать и суммировать все эти процессы выращивания, значило бы дойти до односторонности и единообразия не менее удивительного, искусственного и принудительного, чем применение любой формы государства — принудительных доктрин и распорядков. Эволюция явно восходит от малого к большому, а не обратно, и расщепление на минимальные самодовлеющие единицы не может быть прогрессом, если эти единицы не связываются воедино, путем солидарности. В последнем случае, это расщепление в значительной степени оказывается ненужным и вредным. Нет сомнения, что всякий плод может быть выращен под стеклом при помощи искусственной теплоты даже в полярных странах, но если одного солнца почти достаточно для созревания плода под тропиками, то дружественный обмен продуктов полярных стран и тропических продуктов был бы более практичным решением вопроса. Автономия без солидарности есть автономия низких и жалких людей, которые добиваются больших выгод. Земной шар в настоящее время кажется состоящим из все более растущего числа таких автономных государственных единиц, стремящихся быть «самодовлеющими» и ни для кого не являющихся друзьями.

Таким образом, в этой специальной области Кропоткин, как это и предвидели многие, дал волю своему темпераменту и построил свою собственную утопию, где местная солидарность, патриотизм местной организации, занял место широкой человеческой солидарности, не признающей никаких местных ограничений.

Мы все знакомы с важностью продовольственного вопроса лучше, чем мир знаком был с ним 40 или 50 лет тому назад. Мы знаем также, что в случае настоящего кризиса, войны или революций, в движение приходят факторы, значение которых не могло быть предвидено в прежние времена: безграничная принудительная власть правительства, неизмеримое влияние масс, которые в настоящее время пробудились до последнего человека и содействуют образованию реакционного большинства, — быстрота прогресса, усовершенствование оружия (что мы наблюдали недавно в Китае), диктаторские склонности, самоуничтожительная трусость и, наконец, невероятное терпение и выносливость масс. Все это случается и происходит вокруг нас, но все же об универсальном применении интенсивного земледелия никто не думает в этом адском водовороте. Наоборот, великим вопросом стал вопрос о том, как избавиться от «бесполезных» шпены, хлопка, кофе и т. д., — следует ли просто уничтожить их, или перестать их выращивать. Таким образом, любимый предмет Кропоткина в настоящее время перестал быть фактором, имеющим крупное обществ. значение. В узких пределах эта мысль всегда осуществлялась, поскольку садовники были с ней знакомы или поскольку фермеры сами постепенно совершенствовали свои способы обработки.

Более свободно, чем в кропоткином и ссении английских статей для больших журналов, Кропоткин чувствовал себя тогда когда называл эти вопросы своим французским товарищам в «Револьте», что он делал, начиная с апреля 1889 года. («Разделение труда»). Он переносил добытые им результаты в обстановку возмущенного Парижа. Статья «Агркультура» (де-

кабрь 1890 до февраля 1891) является одним из кульминационных пунктов этого, так сказать, приспособления к французским условиям книги «Поля, фабрики и мастерские». Другим таким кульминационным пунктом является статья «Пути и способы». Все это — главы из книги «Хлеб и воля» (1892), которая, в сущности, и состоит из упомянутых выше статей 1886—1887 годов и из тех чрезвычайных статей 1889—1891 гг., которые являются увеличенным французским отражением сравнительно более сдержанных английских статей «Поля, фабрики и мастерские». Кропоткин затем рассчитал, что если, например, из трех с половиной миллионов жителей, населяющих Париж и окружающие департаменты 1,200,000 мужчин и 1,300,000 женщин будут работать по пяти часов 25 дней в году, «просто чтобы позабавиться немного на полях», то хлеб, мясо и молоко были бы запасы в изобилии для всех. Может быть это и правильно вычислено в итоге, но ведь для того, чтобы распределить эти 1,200,000 мужчин и 1,300,000 женщин как раз в нужное время и в нужном месте, понадобился бы труд, которого одними цифрами исчислить нельзя, который нельзя также предоставить случайностям или поручить принудительной власти. Таким образом, затруднения могут оказаться чрезмерными.

В действительности, однако, Кропоткин никогда не собирался предоставить что бы то ни было простейшей случайности или самодеу. Часто повторяемые «в течение 24 часов» напоминают о свободе для лишенного крова поселиться в хорошей квартире, голодному об его праве есть вволю, обрванному — выбрать себе новую одежду в магазине, причем такие действия сопровождают все успешные восстания. Кропоткин немедленно добавляет, однако, следующие условия: никаких бесполезных затрат, составление инвентаря, распределение по порциям, добровольное составление списков, собрание местных жителей, обсуждающих и заключающих соглашения и т. д. Все это делает распределение по способу «бери с кучи» весьма редким яв-

лением. Далее, Кропоткин рекомендует соглашения об обмене промышленных и сельскохозяйственных продуктов. Это также должно делаться, во избежание всякого принуждения, на началах полной справедливости, чтобы удовлетворение получили все группы. Это предполагает, по крайней мере вначале, пока солидарность не станет всеобщим правилом, некоторый способ оценки для заключения практического соглашения.

В главе «Возражения» в книге «Хлеб и воля», Кропоткин рекомендует простые ассоциации, которые гарантировали бы почти все полезные товары всем своим членам за 4 или 5 часов труда в течение 25 или 30-ти лет (с 20-ти лет до 45 или 50 лет), т. е. за 1200—1500 часов в год в одной из групп за пищу, одежду, жилище, перевозку, гигиеническое обслуживание и т. д. Таким образом, он целиком присоединяется к системе пактов (договоров). Он повторил это в своей лондонской лекции в 1893 г. (брошюра «Новые времена», 1894, на французском языке) на тему «Анархизм, ее философия и идеал» (1896) и т. д.

Не может быть и вопроса о том, находился ли он в этом отношении под влиянием практических соглашений, с которыми он познакомился и которыми пользовался в Англии, где члены разных обществ пользуются своими привилегиями без ограничения. Например, члены зоологического общества пользуются правом входа в зоологические сады без ограничения и имеют право постоянно пользоваться библиотекой. К тому же самому выводу приводит плата за содержание в отелях.

Кропоткин наблюдал эти удобства с удовольствием и сравнивал быстрое и, в сущности, неограниченное снабжение книгами в библиотеке Британского музея с медленным, скудным и бюрократическим снабжением книгами в французских государственных библиотеках. Когда, например, одна английская железнодорожная компания ввела отправку шестидесяти посылоч, сделав тем самым возможным ши-

роекое распределение фруктов и рыбы, то я видел, как Чербеев и Кропоткин радовались этому новому шагу децентрализации и мечтали о дальнейшем успехе в этом же направлении. Коммунизм, как понимал его Кропоткин, был действительно коммунизмом, каким он чувствовал его и какой он практиковал бы. Он был джентльменом и, в качестве такового, его поведение было скромным и великодушным. Это был человек, которому хотелось бы в один день почитать сто книг в библиотеке, но который не способен был бы перейти нормальные границы умеренности в каких-нибудь более жизненных делах.

Много недоразумений было бы предостережено, если бы он сделал все это несколько более ясным последователем анархизма. Он гордился своими усиленными сельско-хозяйственными вычислениями, но их следовало бы всегда считать личной слабостью или коньком, или частной специализацией, а не неотделимой частью кодекса анархизма, за которую их принимали многие.

Только Малатеста знал настоящую меру и когда он вернулся из Южной Америки (1889), то был поражен верою в возможность изобилия, которую многие товарищи почерпнули из некоторых брошюр. Предполагалось, что эти брошюры были одобрены Реклю и основаны на учении Кропоткина о распределении по способу «бери с кучи». На самом деле, это было неверным истолкованием этих слов. Малатеста поэтому спросил Кропоткина о действительных размерах существующего накопления пищи и продуктов. Кропоткин произвел ряд обследований в Лондоне и написал статью «Капитал революции», напечатанную 7-го марта 1891 года. Эта статья не была включена в книгу «Хлеб и воля». В этой статье Кропоткин выражает удивление по поводу методов снабжения в главнейших отраслях торговли, сводивших запасы продовольствия до минимума. В общем, однако, Кропоткин приходит к выводу, что каждая нация могла

бы, устранив непроизводительную растрату продуктов, жить от трех до четырех месяцев своими запасами. Далее он говорит, что в течение трех-четырех месяцев интенсивная агрикультура может быть применена в широком масштабе весьма производительно, вырабатывая необходимое под стеклом и даже заменяя говядину курами, выведенными в инкубаторах.

Раз это так, то отсюда с необходимостью следует, что выдачу пайков или, по крайней мере, тщательное регулирование потребления, т. е. опять-таки выдачу пайков, пришлось бы допустить почти во всех случаях, а это почти устраняет на далее способ «бери с кучи» в начале нового порядка, пока производство не станет обильным. Если бы эта глава, являющаяся, как видно из ее начальных слов, частью серии, не была опущена при составлении книги, то она содействовала бы устранению преувеличений. Ее следовало бы добавить к тщательно редактируемым новым изданиям. Мы никогда не должны забывать, что Кропоткин — даже в 1920 году — сам называл книгу «Хлеб и воля» «Коммунальной утопией», т. е. утопией «городской коммуны, провозгласившей свою независимость», — а именно, новой парижской коммуной, победоносной и гармоничной внутри, по отделенной от враждебного соседства и отрезанной от снабжения.

Очевидно, что если бы революция приняла другие формы и охватила бы целую территорию, или несколько стран, или началась бы с деревень и т. д., то наличные силы пришлось бы использовать для иных задач, чем описанные в книге. Все это кажется мне очевидным и подтверждается другими замечаниями Кропоткина, но это редко высказывалось вполне ясно. Некоторым кажется, что анархизм или Кропоткин стоят и падают вместе с «Хлеб и воля», и так как это нежелательно, то книгу либо защищают до последней буквы, или же целиком отвергают ее: и то, и другое ошибочно, ибо книгу следует поставить на ее настоящее место — не в каче-

стве кодекса анархизма, а как гипотезу о том, что было бы целесообразным сделать при определенных условиях.

Кропоткин поставил себе в Лондоне одну из упомянутых иных задач — задачу борьбы с индивидуалистической буржуазной моралью борьбы за жизнь, — моралью, которая в сущности заменила так называемую номинальную христианскую этику, основанную на не менее номинальном признании солидарности. Он глубоко интересовался этим вопросом и постоянно ссылаясь на Дарвина, после смерти которого Кропоткин написал на эту тему прекрасную статью (1882). Но главным его врагом естественно стал проф. Гексли — который ему платил тем же. Этот знаменитый Гексли отказался даже подписать петицию английских ученых после приговора Кропоткина к 5 годам тюрьмы, заявив, что ему очень хорошо там, где он находится. Поэтому Кропоткин изложил свои обширные материалы, относящиеся к теме «взаимопомощь», в статьях, напечатанных за время с сентября 1890 до июня 1896 и собранных в книге «Взаимопомощь, как фактор эволюции», появившейся в октябре 1902 года.

Эти работы привели его к этическим темам, которым он посвятил лекцию «Справедливость и нравственность» (приблизительно, в 1889, опубликованная в его собственном русском переводе только в 1921 году) и на французском языке статьи и брошюры «Анархическая мораль» (1890). Он приступил к главной работе, напечатав в «19-ом веке» статьи «Этическая потребность внешнего дня» (август 1904) и «Нравственность природы» (март 1905). Однако, русские революционные события 1905 года заставили его отложить в сторону уже начатую им третью статью. Когда он получил возможность продолжать свою работу, то возникла долгая полемика с дарвинистами, в ходе которой он защищал учение Ламарка. Сошлось на его статьи «Теория эволюции и взаимопомощь» и на четыре другие (с января 1910 до ноября 1915). Этике он отдавал свои пос-

ледние силы, находясь в Дмитровке, вплоть до своей смерти. Том, посвященный истории вопроса, появился в 1922 году, но его собственная главная работа все еще пребывает в форме обширных выписок и стривков или набросков, насколько мне известно. Я мог бы прибавить, что в декабре 1912 года, когда ему исполнилось 70 лет, он очень был болен в Брайтоне и задумал поехать на юг, в Бордигеру. Мне он сказал, что он намеревается написать там первый сокращенный набросок всего своего понимания этики, добавив, что он считает себя обязанным это сделать, находясь, по всей вероятности, близко к смерти. Я не имею, однако, никаких сведений о том, написал ли он это краткое изложение, или же, что более вероятно, занялся другими вопросами.

Таким образом, «Анархическая мораль» и «Взаимопомощь» выдаются, как наиболее гармонично разработанные произведения в этой области многообразной деятельности Кропоткина. Настоящие страсти, однако, специально написаны для того, чтобы описывать революционные взгляды Кропоткина, поэтому мы возвращаемся теперь к этому вопросу после сделанной попытки показать, так сказать, его собственное понимание его собственных произведений, не всегда сходящееся с признанием их другими.

В 1886 году произошли волнения и почти восстания в Лондоне, Декавиле, Бельгии, Чикаго, но дальше волнения не пошли. Во Франции каждый, кто был склонен к действиям, вынужден был действовать в одиночку, а это породило индивидуалистическую тактику, которая огорчала Кропоткина по этическим соображениям. Это заставило его написать «Анархическую мораль» и напомнить о высшей форме этики — великодушии, и затем проследить ее происхождение в согласии с гипотезой Гюйо. Кропоткин был так огорчен многими преимуществами, что написал гораздо менее известную статью «Еще о морали» в 1891 году. Здесь он очень резко отзывался о поступках, приписываемых Равашолю в ранний период

его жизни, но позднее он пришел к выводу, что эта критика привела его к его позднейшим безупречным действиям. Кропоткин был далек от недооценки отважных и временами, героических выступлений анархистов в те годы. Он считал, что подобно тому, как возстанья прокладывали путь и услаивают тенденции к революции, так индивидуальные акты показывают путь к возстаньям.

Как мало знают взгляды Кропоткина те, кто приписывает ему веру в импровизацию анархизма, можно видеть из его статей «0 революции» (11-ое октября 1891), где он говорит, что после революции «нужно пройти через целый период преобразования»... в течение которого революция должна быть проведена во все круги населения и во все учреждения. Кропоткин напоминает здесь о средневековых договорах солидарности, когда основывались новые города. «С такого же договора должна начаться социальная революция»... Подобно тому, как горожане в 12-ом веке на таких соглашениях основывали свои гильдии и ремесленные союзы, революция может приступить к своей огромной задаче, реорганизации производства вполне безопасно, лишь опираясь на такое же соглашение.

Это и другие средства заложить прочный фундамент нового порядка представлялись Кропоткину весьма важными вещами. В революции надо заинтересовать каждого, либо путем немедленного улучшения его бедственного положения («Если в течение 24 часов...»), либо путем разумной инициативы (добровольцы и солидарного сотрудничества (продолжение и преобразование производства). Распределение «с кучи», по всей вероятности, не может осуществиться на деле в самом начале. Это Кропоткин понял зимою 1890—1891 г. Недостаточность наличных запасов помешала бы этому. Что казалось важным Кропоткину, так это то, чтобы все стали понимать, что теперь они обладают правом на довольство, и что они содействуют обеспечению этого права за ними. В статьях, обсуждавших книгу Белами «Сто

лет спустя» (ноябрь—декабрь 1889) он говорит: «если этот принцип однажды будет признан, то само собою разумеется, что есть тысяча способов устроиться: путем чеков, как предлагает Белами (равный ежегодный доход); или путем «взятия с кучи», путем совместного потребления или каким-нибудь другим путем. Достаточно того, что принцип права на довольство для всех будет признан, а все остальное устроится само собой»... рядом с предложенной книгою Белами обязанностью для всех работать в возрасте от 21 до 45 лет, Кропоткин выдвигает свое собственное предложение: — соглашение между личностью и коммуной, гарантирующей каждому обеспечение его нужд в обмен на три, четыре, пять часов работы в возрасте от 21-го года до 45 лет. Он указывает на членов Лондонского Зоологического Об-ва (как я упомянул выше) и прибавляет, что некоторые коммуны могут организоваться этим способом, другие же другими способами, и что возможен переход членов из одних коммун в другие, причем они могут взять свои договоры обратно и т. д. Кропоткин выказал еще большую симпатию к книге Белами «Равенство», и после его смерти (1898) написал, что если бы Белами встретился с каким-нибудь анархистом, то, по всей вероятности, он согласился бы с анархическим толкованием своих идей.

Короче говоря, подробности жизни на основах солидарности не важны для Кропоткина, при условии, чтобы существовали гарантии против принуждения кого бы то ни было к продаже своего труда и чтобы никакие государственные учреждения не могли принуждать к выполнению обязательных правил о труде. Работу при таких условиях он называет трудом за плату, новую систему заработной платы, и возражает против коллективизма как авторитарного, так и анархического, потому что они, согласно его нынешнему пониманию обоих, привели бы к принудительному введению меры стоимости (часы труда и т. п.), а это всегда будет требовать контрольного аппарата, который приведет об-

ратис к государству.

Здесь нужно напомнить, что память Кропоткина не один раз сыграла с ним скверную шутку. В статье «Коммунизм и анархия», напечатанной 25 июня 1887, он излагает идею коллективистического анархизма следующим образом: «что касается потребления продуктов, то здесь должна быть полная свобода для групп или коммун устраиваться по своему усмотрению: одна группа введет коммунизм, если захочет, другая будет платить трудовыми чеками, если она это предпочитает, третья усвоит какой либо иной способ. Не будем составлять себе мнение о способе распределения заблаговременно. Революционное общество само найдет его». Однако, в другом случае он приписывает коллективистам — анархистам определенную приверженность к какому-либо способу расчета с каждым в точном соответствии с выполненной работой, а это требовало бы оценки работы; оценка же работы не может быть выполнена ни с точностью, ни даже приблизительно без применения какого — либо произвольного, единообразно установленного способа измерения. Устанавливать этот способ будет власть. Самые тщательные и основательные обсуждения этого вопроса, умело руководившиеся Джеймсом Гильемом, не могли заставить Кропоткина определенно высказаться за то или другое из его двух истолкований коллективистического анархизма. Он не пересек на себе период 1868—1876, не обратил внимания на этот вопрос, так как он сам был коллективистом и никогда не чувствовал себя властником, никогда не был особенно заинтересованным в коммунизме (1872—1879), — поэтому прошлое не сохранилось отчетливо в его памяти и принимало временами то одну, то другую форму. В позднейшие годы было так, что когда Гильом утверждал одно, то память Кропоткина всегда указывала в противоположном направлении. Он знал, что все-

гда, так или иначе, он расходился с Гильомом, хотя они оставались наилучшими друзьями. Так разошлись они и в оценке Французской Революции. Я уже несколько раз упоминал в разных случаях, как Гильом восклицал: «какой Петр прекрасный друг! Беда только в том, что он ничего не понимает во Французской Революции», а Кропоткин часто говорил: «что за прекрасный друг этот Джемс, но только он ничего не понимает во Французской Революции!»

Интерес Кропоткина к предвестникам успехов революционного движения не ограничивался анархизмом. Он пристально наблюдал за рабочим движением и за многими другими явлениями, которых я не стану здесь разбирать.

Такой интерес приводит других, не привыкших к широким обобщениям, к специализации и к предвзятости в пользу того или другого движения, включая синдикализм. Мое же впечатление обратное: Кропоткин был так постоянен и последователен в своем мышлении, что истинная приверженность к другому движению или перемена ориентации были бы невозможны для него.

Эти соображения привели нас к 1894 году, когда почти все европейские движения пережили некоторые изменения после периода величайших преследований. В его лекции «Новое время», печатавшейся с марта до сентября 1893 года, мы впервые встречаем замечания о положении анархизма, позднее развитые в статье «Современная наука и анархия», впервые напечатанной в 1901 году. К концу 1893 года Кропоткин начал серию статей, из которых могла бы составиться книга о критиках анархизма. Однако, прекращение «Ла револьт» вследствие преследований заставило Кропоткина отказаться от осуществления этого плана в такой форме.

М. НЕТТЛАУ.

JEAN GRAVE.

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Убийство Александра I снова выдвинуло на очередь вопрос о националистах. Кроаты выразили свое недовольство фактом подчинения их другой державе, путем уничтожения одной из причин своего недовольства.

Совзники, во время войны 1914-1918 гг. клявшиеся всеми богами, что они ведут войну лишь для освобождения угнетенных народов, не постеснялись, когда пришел момент подписания мира, вырвать несколько народностей у тех, которые стали их господами ранее, по праву победителей. Они присоединили эти народности к другим господам, которые не имели на то иных прав, кроме интересов или капризов победителей, создав для будущего новые причины столкновений.

В настоящее время Венгрия пустила в обращение открытки с протестом против Версальского договора, который оторвал от нее $3\frac{1}{2}$ миллиона жителей. Но сколько человек из этих $3\frac{1}{2}$ миллионов действительно является венграми? Вот что они забыли нам сказать.

Если бы этим народностям дана была автономия, или если бы они были присоединены к своим первородным братьям, против этого нельзя было бы возражать, это было бы лишь справедливо. Но дело ведь обстоит не так. Эти народности были «склеены» с другими народностями, иного происхождения, и из них сделали новые нации, не спросивши их мнения. Марсельское покушение предупреждает нас о том, чего следует ожидать в этом смысле.

Устроено было много плебисцитов, но решения большинства в некоторых случаях решали вопрос не только об его собственной судьбе, но также и о судьбе меньшинств, мнения которых не спрашивали и которым предоставлялось только сменить своих господ.

Македония, издавна ведущая борьбу

за свою автономию и создавшая нечто в роде разбой против своих угнетателей, по-прежнему находится под ярмом господ, которых она ненавидит. Польша, столь долгое время остававшаяся разделенною между Россией, Пруссией и Австрией, отвоевала свою независимость, но разве она не вздумала требовать присоединения народностей, которые не имели в себе ничего польского, под предлогом, что эти народности принадлежали ей в былые времена?

И после этого куча идиотов проповедует нам любовь к отечеству и защиту страны! На протяжении многих веков люди уничтожают друг друга во имя этих понятий.

На протяжении веков? Нет! Во времена королевской власти идея отечества едва-ли существовала. Короли, совсем как правители нашего времени, но с меньшим лицемерием, воевали друг с другом за свои частные интересы и передавали друг другу провинции путем браков, наследований, обмена, не заботясь о происхождении населения.

В последний период существования королевской власти упоминались, правда, интересы страны и родины, но эти слова имели мало значения.

«Отечество» священо для тех, которые его населяют, но «отечество» соседей никоим образом священным не является, и потому от него пытаются оторвать кусок.

Отечество! Эта идея тем более глупа, что нет ни одной нации, которая состояла бы из одной единственной расы. Все они являются смесью рас, приспособляющихся одна к другой в ходе веков, в результате разбойной политики правителей: королей, императоров, вельмож и всякого рода других властителей, включая сюда даже и республиканцев.

Франция, таким образом, является

смесью савойцев, пикардийцев, фламандцев, бургундцев, провансальцев, овернийцев, кельтов, франков, эльзасцев и других народностей, которых я не припомню.

Англия имеет своих англов, потомков датчан, саксонцев, галлов, шотландцев.

Германия имеет своих пруссаков, барварцев, саксонцев, померанцев и т. д.

Испания — своих мавров, своих наваррцев, своих каталонцев, своих андалузов.

Италия состоит из сицилийцев, сардинцев. В средние века она состояла из герцогств, княжеств и множества свободно самоуправлявшихся городов, которые находились между собою лишь в соседских отношениях.

Не иначе обстоит дело и с Россией, огромная территория которой населена различными народностями различного происхождения.

Маленькая Бельгия имеет население, одна часть которого говорит по-французски, а другая по-фламандски. Маленькая Швейцария является частью французской, частью итальянской, частью германской страной.

Если мы обратимся к балканским народностям, то здесь вся территория кишмя-кишит мелкими народностями, обладающие которыми в ходе веков оспаривали друг у друга турки и русские, которые, в конце концов, превратили эти мелкие страны в королевства, округляющие их территории. Версальский договор снова разрезал эти страны на куски и создал из них новые королевства, не более прочные, чем те, на смену которых они были созданы. Однако и эти новые мелкие единицы стали отчествами, заставляя другие народы должны уничтожать друг друга и нападать на соседей.

Во Франции, во времена монархии, различные народы, входившие в ее состав, имели своих собственных правителей, назначавшихся королем, что означало, что они имели право на свое собственное законодательство.

Они составляли, разумеется, части Франции, либо по праву завоевания, либо путем наследования, либо присоединялись

к королевским владениям в качестве приданого. Но они оставались «провинциями», что давало им некоторые особые права.

Пришла революция с ее идеями крайней централизации. Корсиканский бандит сохранил эту систему. Франция была разделена на департаменты, а провинции исчезли и по имени, и на деле, при чем каждая из них была разделена на несколько департаментов, к которым присоединялись обрывки, оторванные от разных провинций. Так было создано «отечество», за которое населявшие его люди обязаны были сражаться и уничтожать друг друга.

Если во Франции и до сего времени остаются провансальцы, бургундцы, фламандцы, пикардийцы, эльзасцы, овернийцы и савойцы, то существуют они, в административном отношении, лишь по имени. Это — французы, имя дано им народом-завоевателем. Даже овернийцы, о которых парижане говорили, что когда они собирались вместе, то не были «ни мужчинами, ни женщинами, а лишь овернийцами». Даже бретонцы, которые так долго противостояли всякой ассимиляции (за исключением немногих бретонских бретонцев, которые в счет не идут), все теперь являются французами. Все дерутся в качестве французов, а не в качестве овернийцев, провансальцев, или бретонцев.

Хотя народности сменяются путем браков и передвижений, все-же, название провинций сохранилось в языке и характерные черты, отличавшие их друг от друга, остались. Для того, чтобы управлять людьми различных темпераментов и характеров, пришлось издавать законы и правила, представляющие собою средний вывод из этих различных тенденций. Однако, средняя линия является произвольной мерой, так как на деле она не существует. Законы и правила, в конечном счете, в действительности, ни к кому не применяются. Тем не менее, в силу власти и централизации, их все же применяют, и это нарушает, более или менее, интересы всех и каждого.

**

Централизация представляет собой без смысла. Она произвольна, смысл ее существования сводится к честолюбию и жадности правителей. Каждая провинция каждой страны должна была бы быть автономной и иметь возможность организоваться без вмешательства власти, которая в действительности является властью иностранной.

Между соседями возможны точки соприкосновения и общие интересы. В этих случаях они имеют нужду в том, чтобы столкнуться для удовлетворения потребностей, которые отсюда вытекают, что требовало бы создания федерации, но федерации единой, внутри которой федерировавшиеся районы оставались бы свободными в смысле своих внутренних распоряжений.

То, что именуется нациями, исчезло бы, ибо, повторяю, нации не имеют иного

смысла существования, кроме честолюбия военщины и правителей. Такой новый порядок — если только народы не окажутся совсем глупыми — делал бы войны все более и более невозможными и не было бы необходимости содержать огромные армии.

Разве, подписывая мирный договор, не следовало бы объявить автономной часть Эльзаса и Лотарингии, освобожденных от армв Германии?

Когда думаешь над всем этим, то видишь, до какой степени личности являются идиотами. Потребовалось менее 150 лет централизации, но крайней мере, во Франции, — чтобы родились идеи отечества и любви к нему, — к единице, сложившейся вопреки их тенденциям и характерам и представляющей собой искусственное целое.

ЖАН ГРАВ.

МОЛИТВА О ХЛЕБЕ

Из поэмы «Антихрист» (Отрывок).

Черное, хмурое небо,
Ветер холодный шумит.
Если бы хоть корочкой хлеба
Голод людской утолить.
Из подвалов сырых,
С крыш чердаков—
Много молитв святых,
Страшных, загадочных слов
О материнском горе
Из холодным трупом жалюлки,
О воплях избитого вора,
О плаче больной проститутки.
Черное, хмурое небо,
Душный свинцовый туман.
Корочку черствого хлеба

Дайте голодным рабам!
О кандалниках, смертниках, катор-
жанах,
О всех убитых на плахе,
О бродягах, оборванных, пьяных,
Полных ужаса, гнева и страха.
Черное, хмурое небо,
Ужас смертельный в груди..
Корочку черствого хлеба!
Хлеба... черт побери!
Жутко на земле нашей, жутко!
Страшно на ней, о, Господи!
Рабочий, бродяга и преступник
Распять на каменной площади!
Анатоль Консе.

НЕСТОР МАХНО

1.

В Париже, в госпитале Тенон, скончался 25 июля в 6 часов утра Нестор Иванович Махно. Около пятисот человек провожали простой деревянный гроб с останками этого героя, чье имя стало нарицательным для целого крестьянско-рабочего движения значительной части Украины. Его тело было сожжено в крематориие Пар-Ланез, а урна с прахом замурована в стене в одном из многих тысяч габаритов и только имя на маленькой дощечке еще будет говорить друзьям-рабочим, борцам за свободу о той странице истории Русской Революции, которая может быть будет наиболее слабой в этой книге.

Говорить о личности Махно и его революционной деятельности очень трудно. Самородок — талант, признанный в этом отношении даже своими врагами и наемными историками, он сочетал в себе то разнообразие простоты и величия, которые трудно поддаются описанию. Махно не умел «играть роль», вождество в нем было природное, результат исключительной волевой натуры, которая увлекала и его и все окружающее.

Но если признают это исключительное качество в нем, то обычно упускают из виду, что это волевое стремление не есть единственное и совершенно самостоятельное качество. Наоборот, в нем большую роль играют его внутренние искания в области высшего, идейного и отнюдь не личного.

Его идея — прежде всего; для осуществления своей идеи он развивает всю свою энергию и подчиняет свою волю. Действительно, достаточно взглянуть во все его действия и устремления, и сейчас же становится ясным, что махновщина и Махно не имеют ничего общего с аналогичными, казалось бы, движениями на Украине. Вот почему, применяя общий критерий к разного рода «вождям» того времени, на Махно всегда ошибались и большевики и господа генералы. А меж-

ду тем ни те, ни другие не были далеки от действительности. Вожди — по духу, по призванию — были распространенным элементом на Украине; для них, быть атаманом было их призванием, их ремеслом — вот почему они вышли из движения, закончили его простым авантюризмом, с бледным, невыясненным политическим идеалом, который для них играл второстепенную роль и совершенно чужд был им самим и всему их делу.

II, если господам генералам такой взгляд был вполне простителен, так как они и сами в политическом отношении были такими же «вождями», то для большевиков этот взгляд, поскольку он не был продиктован тактическими соображениями, был действительно роковым. Нигде они не потеряли так много, так не загрязнили себя в идейном отношении, как в столкновениях с Махно; и нигде они также не встретили такого сопротивления, как со стороны махновщины.

Исключительные качества вождя, так единодушно признаваемые всеми, повторяем мы, не были доминирующей стихией у Махно, и этим объясняется, что то выдающееся положение, которое он занимает в период махновщины, не вкружило ему голову, не вознесло его над всем прочим и в течение всей своей жизни он остается все тем же, каким мы его видим и в начале его революционной работы. Он работает на революцию, во имя лучшего будущего, за угнетенных против угнетателей, и в этом стремлении он не имеет времени думать о себе. Он сам и вся его деятельность — только средство для достижения этой высшей, справедливой цели. Вот почему мы считаем, что Махно не «умел играть роль», что в нем все было естественно, как результат его действительно исключительной энергии, смелости и самоотверженности в достижении идеала, которому он посвятил всю свою жизнь.

Но самое ценное то, что создало махновщину, поставило ее на такую высоту

и что выдвинуло Махно лично как революционный, анархический талант, далеко не в том, с чем мы только что сказали. Героизм и вожденчество далеко не являются редкостным фактом в анархическом движении. Наоборот, не только история анархического движения, но история Русской Революции во всех своих фазах, во всех своих самых решительных и исторических эпизодах проходит с анархическим персонажем. Июльское возмущение, разгон учредительного собрания, организация народной самообороны (партизанских отрядов) не проходят без анархических имен. Бунт, возмущение, борьба со всеми формами гнета есть действительно непревзойденная страница истории революционного движения, как написал ее анархизм. Но впервые в махновском движении анархическая деятельность не ограничивается только борьбой, но идет далее, пытается найти, создать новый анархический строй.

Вот эта положительная, конструктивная особенность махновского движения бесспорно является одним из самых важных качеств Махно, как революционного деятеля анархиста.

Махно не был теоретик, он — практик, но практик самостоятельный и творческий, не замыкающийся в тех доктринах, которые он принял, как идеал. Анархизм — не доктрина, а жизнь. То, что написал анархизм на своем знамени, должно найти свое реальное отображение в стихии.

Вот почему Махно не теряется перед действительностью, как это происходит с многими анархистами, а ищет, пытается разрешить идею анархического коммунизма, чутко приглядываясь к самостоятельной творческой работе масс.

Не от идеи к жизни, а от жизни к идее идет Махно и здесь он выходит победителем, проходит тот этап, который для других оказывался непроходимым. Идея полных советов вырабатывалась самой жизнью, идя от случая к случаю и в этой форме выступала на сцену тот будущий строй, в котором анархический принцип равенства и свободы получил свое осуществ-

вление. Махно не ошибся, когда пошел по этому пути, и не стал вероиступником, но он практически указал то направление, по которому должно пойти анархическое движение.

Такими, в общих чертах, личное и идейное значение Махно. Гораздо труднее говорить о махновщине, и поэтому мы остановимся только на некоторых моментах.

Нам приходилось слышать от некоторых иностранных товарищей, что Махно был единственным законченным, убежденным анархистом, который пытался реализовать свой идеал. Мы уже указали те особенности, которые бесспорно его выдвигают в первые ряды в анархическом движении, но в данном утверждении мы видим существенную ошибку товарищей.

Первое — история Русской Революции внесла не одно только имя Махно, второе, — на что указывал всегда и сам Махно, — махновщина не есть личное дело одного человека, не есть то, что может быть сделано. Махновщина есть результат стихийных сил, которые породили революцию. Махно только своим движением показал, что это за стихия, каковы ее были идеи и цели, какова ее природа и ее мощь. Махно вошел в это движение в качестве анархиста и, как анархист, он слился с этой стихией, стал бождем этого низового движения. На нем мы видим, как по природе своей анархизм гармоничен с революционной стихией и как расправившись с ней, с этим неотъемлемым правом возмущенного народа устраивать свою жизнь, коммунистическая власть. В борьбе коммунисты и махновцы выступали от имени революционного народа и поэтому здесь лучше всего выступает наружу лозь коммунистов: нигде так ярко не выступает наружу тот путь, по которому шла утверждение коммунистической власти и нигде коммунисты не проявили такой жестокости, коварства и узурпации революционных прав, как в этой борьбе.

Современные владыки много тратят сил и энергии, чтобы доказать, как много

обязала им революция в борьбе с мировым капитализмом и контр - революцией. Махновщина — одна из тех картин, которая свидетельствует, как шла эта борьба. В тот момент, когда коммунисты выступили с идеей организации красной армии, народ ответил им стопроцентным дезертиризмом.

В 19 году, т. е. в период разгара борьбы с контр - революцией, красная армия насчитывала 15-20 процентов только что пойманных дезертиров, которых отправляла под конвоем в закрытых вагонах на фронт. Чтобы понять, насколько была боеспособна красная армия против контр - революции, достаточно вспомнить, что она буквально бежала от тонок цепочки белогвардейских войск, безнадёжно откатившись чуть не до Москвы. Вспомним, что в этот момент коммунистическая власть производила ряд мобилизаций только коммунистов, отправляла на фронт исключительно коммунистические отряды, которые также распылялись, не доезжая до фронта. И в этот же период махновщина насчитывает 5 с лишним миллионов своих сторонников; в этот период она спасает революцию своим знаменитым рейсом от Умани до Александровска.

В период кампании против Врангеля красные войска идут под именем махновцев, чтобы вызвать симпатию и поддержку населения. Укажем, как пример, показывающий значение и силу махновщины в этот период, на то, что белое командование также прибегло к авторитету Махно, распуская ложный слух о союзе с ним.

Знакомясь с этой картиной борьбы, мы поймем и другие; мы поймем, почему красная армия проходит через всю Сибирь, оставаясь в ста верстах сзади противника и совершенно не соприкасаясь с ним; мы поймем, почему против Юденича, когда он подходил к Петербургу, коммунисты обратились не к красной армии, а к петербургским рабочим, напоминая им ужасы последствий занятия Петербурга; собрав все эти картинки, соединив их в одну общую картину, мы поймем, кто был

действительный победитель в этой борьбе. Трудящиеся отказались вступить в красную армию, но не бросили борьбу с помещиками и генералами; они создали свое движение, движение повстанчества, которое прокатывается широкой волной по Украине и по Сибири.

Государственная власть не может жить без армии и не может долго опираться на добровольную защиту трудящихся, даже если она и имеет титул революционной и пролетарской; по природе своей она идет против народа. И этот процесс мы видим в отношениях махновцев с коммунистической властью. Мы видим это день за днем из истории махновщины и на этом примере мы — анархисты и трудящиеся всего мира — можем представить себе, как украинские крестьяне понимали революцию, каким образом они разрешали идею равенства и свободы, как они ее защищали и как предательски уничтожала это бесспорное право возставшего народа революционная власть.

И когда нам говорят о революционной армии для защиты завоеваний революции, то мы отвечаем им: «Взгляните на махновщину и вы увидите ту силу и ту армию, которую возставший народ создаст для своей защиты.» Махновщина не личное дело и не эпизод, а социальное явление, революционный процесс в его стихийной природе. Ее смерть — господство тирании, но, как только тирании придёт конец, она снова воскреснет; ее можно задуть, но убить ее невозможно, потому что она — возставший народ.

Махно был не только вождем этого низового крестьянского движения, но стал и его историком. Незадолго до своей смерти он закончил свои записки по истории махновщины и революции на Украине. И никто, кроме него, конечно, не сможет нам рассказать эту историю в той виде, как рассказывает ее теперь украинский крестьянин. Не зная другого способа, не имея возможности, он передает ее из уст в уста и те песни, которые он пел, сейчас распевают юные голоса его

Правительство в роли стачколома

Американские власти определенно выступили в роли стачколома. Все последнее забастовки закончились неудачей для рабочих именно благодаря вмешательству властей. Трудно, конечно, в настоящее время — время неслыханной в истории депрессии — рассчитывать рабочим на успех — особенно принимая во внимание нагубные методы борьбы, применяемые во время забастовок главарями американского тред-юнионизма, — но все же если бы власти не вмешивались в ход забастовки, рабочим, быть может, удалось быстоять хотя бы маленькую крупицу своих прав.

Стачколомство властей выразилось в двойной форме: во-первых, в попытке войск для охраны мастерских, в которых работали склебы (и заодно для разстрелов бастующих рабочих), во-вторых в применении своего авторитета для скорейшего прекращения забастовки (но отнюдь не в пользу рабочих). Последний метод, несомненно позаимствован у фашистов и боль-

детей и все старания власти задушить их остаются тщетными, и мы верим и знаем, что настанет день, когда они сольются в один мощный гул, который положит конец тирании и вновь провозгласит свои права, права возставшего народа.

Читая историю махновщины, мы знаем не только в идее, но и в жизни, как эти права понимает трудящийся.

После смерти Махно создалась комиссия по изданию литературного наследства его и мы думаем, что товарищи откликнутся на ее призыв. Они придут на помощь своему брату украинскому крестьянину, который лишен возможности сказать трудящимся всех стран то, что он рассказывает своим детям: они заменят маленькую одинокую дощечку на могиле Махно большим памятником, где его имя сольется с рядом других, его соратников, отдавших свою жизнь за счастье и равенство униженных и угнетенных.

МУРОМЕЦ.

шевиков. Фашисты и большевики, как известно, воспрепятствуют забастовкам; на этот раз ставится и американское правительство. Открыто оно пока еще не говорит рабочим: вы не имеете права забастовать, но косвенно всячески старается свести забастовки на нет. Представители правительства везде твердят, что забастовки — социальное зло (ибо они возбуждают дух протеста среди рабочих), что их следует избегать, а если избежать нельзя, если забастовка так или иначе возникает, то стало быть, правительство, как ревнитель общественного «благополучия», должно вмешаться в конфликт и принудить рабочих сложить оружие.

Такова полу-фашистская тактика американских властей.

Было бы еще до известной степени терпимо, если бы власти оказывали давление на обе стороны — рабочих и предпринимателей. Но настоящему на предпринимателей следует оказывать даже большее давление, ибо в большинстве случаев они являются нападающей стороной.

Рабочие в настоящее время лишь защищаются, атака ведется хозяевами. Стало быть, правительство, выступающее якобы в роли примирителя, должно сдерживать эскадру атакующей стороны. Задача примирителя ведь именно в том заключается, чтобы остановить того, кто бьет, а не того, кого бьют. Американские власти, однако, поступают наоборот: они заставляют рабочих, т. е. обороняющуюся сторону, канитулировать, после чего и наступающая сторона, т. е. хозяева, складывает оружие.

Почему же так поступают власти? Ответ ясен: потому что они стоят на страже интересов предпринимателей, а не рабочих. Теоретически правительство в так называемых демократических странах занимает как бы нейтральное положение, высшая над всем населением и смотря за тем, чтобы жизнь правильно текла по каналам, именуемым законами. Для не-

то как бы все равны — богатые и бедные. На этом принципе буржуазные правоведы строят свою науку о государстве. На практике это, однако, далеко не так.

Еще не было такой власти, которая одинаково относилась бы ко всему населению. Не было, повторяем, такой власти и не будет. Об этом красноречиво свидетельствуют происходившие минувшим летом в Америке забастовки.

Забастовки давно разрешены законом. Рабочие имеют полное право не являться на работу, а хозяева, в свою очередь, имеют такое же право закрывать двери своих предприятий. Следовательно вмешиваться в ход забастовки третьему лицу — государству — нет надобности.

Что такое, однако, забастовка?

Забастовка — это борьба двух групп, — борьба методами, допущенными законом (станем на минутку на точку зрения буржуазных правоведов). Рабочие и хозяева по тем или иным причинам не могли сговориться. Бьет роковая минута... Рабочие на фабрику не пришли — фабрика стоит. Дальше этого борьба (на основании буржуазных законов) не должна идти. Рабочие должны оставаться вне стен фабрики, фабрика должна оставаться без рабочих — и только. Это и есть то, что называется легальной забастовкой.

Теперь посмотрим как обстоит дело в действительности. В действительности хо-

зяева, как только возникает забастовка, в первую очередь стараются паянть скебов, чтобы пустить свои предприятия в ход. Этим самым нарушается принцип законной забастовки, ибо, как мы видели выше, фабрика во время забастовки должна стоять. Если хозяева имеют право нанять стачколомов, то рабочие имеют такое же право удалять стачколомов. Этому нас учит логика, на основании которой всякое действие должно вызывать соответствующее противодействие. Почему же власти, не разрешая рабочим снимать стачколомов, в то же время разрешают хозяевам нанимать последних и даже охранять те предприятия, в которых работают стачколомы? Ведь это нелогично и даже противозаконно (опять таки с точки зрения все тех же буржуазных законов).

Ответить на этот вопрос мы представляем буржуазным законоведам, с своей же стороны лишь заметим, что власти подобным актом (охраной мастерских, в которых работают скебы) фактически выигрывают роль стачколомов. Это есть самое форменное стачколомство. Мы уже не говорим здесь о тех разстрелах, которые имели место во время минувших забастовок. Не говорим, ибо разстрелы бастующих рабочих — не стачколомство, а убийство, за которое следует налагать такую же кару, как и за всякое другое убийство.

Автономов.

На смерть Нестора Ивановича Махно (АКРОСТИХ)

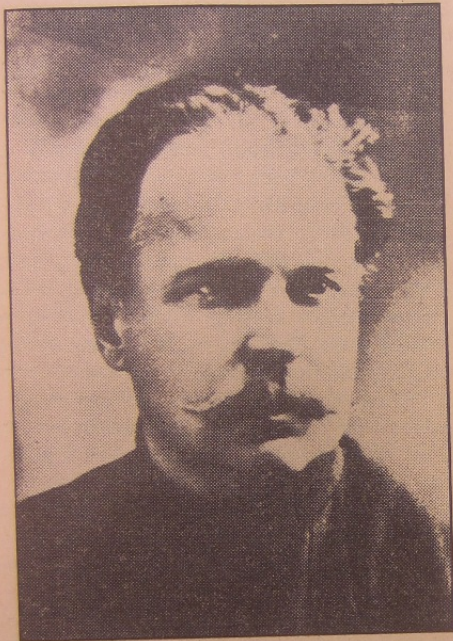
Нам снова удар сокрушительный!
Его не поправить нам всем!..
Самородок угас — поразительный.
Ты ушел от нас НЕСТОР совсем!
О! МАХНО, вдохновитель повстанчества,
Разве можно тебя позабыть?
И разил ты властителям чванчество,
Всех врагов ты хотел сокрушить!
Анархист - Коммунист, сын крестьянина,
Нес ты знамя свободы вперед!

О делах твоих помнит Украина,
Вся Россия,—весь русский народ!..
И весь мир угнетенных, трудящихся.
Честь и славу тебе воздаст!
Махно-Батько, эмблема борящихся,
А идеал—твоя—не умрет!!!
Хоть и нет тебя с нами, Махновщина,
Никогда, о мой друг,—не пройдет!
Она вечна, как вечен народ!!!
Александр Черняков.

Н. МАХНО

Над свежей могилой Т. Н. Рогдаева

(Из доклада, сделанного мною товарищам 21 января 1934 г.).

Товарищи, прежде, чем поделиться с вами воспоминаниями о товарище Николае Рогдаеве, я позволю себе уклониться на одну минутку в сторону и скажу несколько слов о тяжелых наших потерях вообще за последние 12-15 лет.

Хотя об этом тяжело вспоминать, почти нет сил удержаться от душавших чувств скорби, чисто товарищеской сердечной боли и слез за смерть целого ряда серьезных и, по степени своей преданности нашему движению, славных и искренних товарищей. Ведь нелегко говорить об этом, а тем более чувствовать — переживать то, что видишь и быть беспомощным, чтобы предотвратить его.

Для всех вас известно, что прошла всего лишь одна неделя, как мы похоронили старого, для всех нас, дорогого и не забвенного товарища — Марию Иси-

ровну Гольдсмит, она же Мария Корн и она же Изидия — по псевдонимам в нашей революционной прессе. Стоя у могилы этого товарища, недолго тому назад, большинство из нас — я в этом убежден, чувствовало себя какими то сиротами без нее; ибо это большинство отдавало себе ясно отчет в том, кого оно в лице этого товарища потеряло и хоронит. Правда, это чувство было еще и потому, что мы, если не все, то опять таки большинство не только уважали, но и искренно любили Марию Исидоровну, как одного из первых среди нас товарищей и друзей по идее, которая, вместе с Кропоткиным, Элизе Реклю, Черкезовым и другими пионерами анархического революционного учения, намечала его веки и на протяжении 35-ти с лишним лет развивала и проповедывала его.

Но — повторяю — за последние 12-15 лет мы получили целый ряд подобных страшных физических и моральных ударов. За это время над рядами Российского анархического движения, словно какой-то рок, витает и вырывает из них лучшие практические и теоретические силы. Это мы чувствуем и переживаем с такой очевидностью и с такой болью, как не пережил и не переживает никто из наших товарищей других стран.

В самые отчаянные дни борьбы нашего движения и Русской Революции за свое существование мы потеряли П. А. Кропоткина и одного из выдающихся популяризаторов идеи профессиональных союзов и славного полемиста с врагами анархизма — т. Гогели. А подошел 1925 год мы потеряли т. Черкезова, а в 1926 году мы потеряли Карелина, в 1931 году мы потеряли т. Раевского, в 1932 году мы потеряли в большевизмской ссылке т. Николая Рогдаева, а в начале этого рокового своими катастрофическими политическими и социальными предзнаменованиями года

мы потеряли Марию Исидоровну Гольдсмит — Корн — Изидин.

Все эти имена росли на почве Российского революционного бунтарства, выросли в гигантов анархистов, теоретиков и практиков, и играли не последние роли в международном анархизме. Обо всех их, беря каждого в отдельности, можно много сказать хорошего и поучительного, не только для нашего молодого поколения, но и для тех из нас, кто мнит себя черезчур старыми и испытанными стражками нашего движения, при этом, не краснея и не стыдясь, совершенно безответственно и вопреки учению этого движения, заявляют: «мы личности не признаем, мы против личности, против ее начал...»

И если мы, русские анархисты, могли в свое время относительно мириться со смертью Кропоткина, Черкезова и Карелина, как со смертью почти естественной — их старческий возраст естественно парализовал в них физические силы и этим самым отымал их от нас и нашего движения, сознательно предупреждая и нас и их самих о приближении их смерти, — то мы не можем примириться со смертью других вышеперечисленных наших товарищей; и особенно мы все (или почти все), здесь присутствующие, не можем примириться с преждевременной, для нас совершенно неожиданной, и я сказал бы неразумной смертью товарища и друга — Марии Исидоровны Гольдсмит — Корн — Изидин. Но мертвых не осуждают. Да и не на мою долю вышло говорить в сегодняшней вечер об этом нашем товарище. Я коснусь в данном случае имени Марии Исидоровны лишь постольку, поскольку этого от меня требует вообще характер сегодняшнего нашего собрания. Мы собрались ведь для того, чтобы почтить память т.т. Николая Рогдаева и М. Гольдсмит — Корн — Изидин, и я думаю, что памяти Марии Исидоровны будет посвящен особый доклад кем-то другим из товарищей сданный. Лично же мне поручено говорить о т. Рогдаеве, и я считаю приятным для себя долгом сделать вам, товарищи, этот доклад, об этом неутомимом и

славном революционно - анархическом борце подпольной России.

Кто такой т. Рогдаев?

Товарищ Николай Рогдаев выходец из интеллигентской семьи из Вяземской губернии. С молодых лет увлекся народно-вольческими идеями и был преследуем сатрапами царско - помещичьей России. В 1900-х годах он очутился за границей, где познакомился с П. А. Кропоткиным, Э. Реклю, Марией Корн, тогда еще молодой, не активной анархисткой. Встречи его с этими товарищами, а также то, что он был уже тогда знаком с двумя иностранными языками помогли ему разобраться в идее анархизма шире, чем он был с ней знаком по российскому бунтарству бакунинского толка 70-80 г., и Рогдаев из западной Европы переезжает в Галицию. Здесь в городах Станиславове и Львове, он завязывает связи с революционной украинской молодежью, создает маленькую в 7—10 человек группу анархистов - коммунистов, при помощи этой группы добывает себе документ и нелегально возвращается в конце 1902 года в Россию.

По дороге на север к своим знакомым краем он задерживается у одного из своих знакомых по Парижу в Женеве учителя из г. Брянска, Орловской губернии. Вместе с этим своим знакомым они создали в Брянске тоже группу анархо - коммунистов и тут Рогдаев задержался довольно долго — Брянск его приковал к пропагандистской работе среди рабочих и средней интеллигенции. Но поскольку группа росла и развивала свою деятельность в области пропаганды посредством прокламаций и кружковой, постольку и полиция не спала. Полиции удалось арестовать один кружок и раскрыть приезжего пропагандиста. И Рогдаев бежит из Брянска в г. Нежн, Черниговской губернии. В г. Нежне Рогдаева встречает несколько человек ему знакомых по Бriansку, тоже бежавших от полицейского преследования, но имевших родственные связи в г. Нежне. По просьбе этих сво-

их друзей Рогдаев остается с ними в Нежине и они создают нежинскую группу анархо - коммунистов.

Из этой нежинской группы вышло ряд хороших рабочих пропагандистов — прямых учеников «учителя» Рогдаева (в Брянске и Нежине т. Рогдаев был известен как учитель). Отсюда же из этих двух городов Нежина и Брянска был занесен анархизм на брянские заводы города Екатеринослава.

Летом 1903 года Николай Рогдаев, по поручению товарищей, перебрался снова за границу с целью установления постоянной связи и регулярного получения анархической литературы и оружия. По возвращении из России за границу Рогдаев встречается во Львове с членами первой своей группы, узнает, что она разрослась и создала в целом ряде городов Галиции маленькие боевые анархо - коммунистические группы и имеет прочную связь с австрийской группой анархо - коммунистов г. Вены. У т. Рогдаева рождается мысль объединить все эти группы в одну организацию. Но после первой же конференции убеждается, что «славянский дух не совместим с немецким», и он отказался от своего предложения. Но посетил Вену и венских товарищей, кое что перенял у них для себя, кое что передал им из своего. И отсюда направляется в Женеvu, Париж, Брюссель и Лондон. Здесь он снова встречается со старыми анархистами, насобирав всякой литературы, но слишком мало анархической, и все направил через галичан в Россию. Оружие же он привез сам в город Нежин. Однако на сей раз Рогдаев не задержался в городе Нежине. Он устремляет свой взор в город Екатеринослав, где по данным нежинских и брянских товарищей была большая нужда в хорошем анархисте - пропагандисте.... и неутомимый революционный боец Николай Рогдаев быстро пересезжает в город Екатеринослав. В этом городе среди рабочих Брянского завода Рогдаев быстро завоевывает должную для революционно-анархического пропагандиста репутацию, и он организывает в лице Руб-

левского, Яна, Олика, бросившегося впоследствии из парохода в Днепр, при обстреле и погибшего в пучине днепровских бунтующих волн и ряда других самоотверженных анархических борцов первую екатеринославскую группу анархистов-коммунистов. А через два-три месяца наш Николай создает группу в поселке Амур (близ Екатеринослава) исключительно из интеллигентов, которую после возглавлял старший Озерский — Моисей Озерский. Эта группа занималась исключительно терроризмом и была школой террористов. На этом поприще Николай Рогдаев проявил себя особенно стойким и примерным вдохновителем группы. Однако, как приезжий, он скоро принужден был покинуть город Екатеринослав и его предместье. В начале 1904 года т. Н. Рогдаев с подавленным чувством революционной бои был препровожден лично Моисеем Озерским к австрийской границе и оставил пределы России.

С этого времени т. Рогдаева нет в России. О его заграничном местопребывании знали лишь некоторые товарищи из города Нежина да Моисей Озерский из г. Екатеринослава. Так длилось больше года. Но вот наступила осень 1905 года. Вскрылось полное поражение парско - помещичьей авантюры на Дальнем Востоке в борьбе с авантюристической Японией. Внутри России вспыхивают бунты революционных тружеников. В больших городах строятся и упорно защищаются баррикады. Т. Николай Рогдаев быстро несется из за границы в Россию. Но теперь Рогдаев уже не останавливается в местностях ранее им созданных анархо - коммунистических групп. Он посещает их лишь мимоходом, как бы с предупреждением, что ее жив и не сегодня-завтра они его увидят в авангарде своих боевых колонн на путях анархической практики: но в данный час он стремится в Москву. Он глаголет и беззаветно верит в то, что Москва должна явиться тем центром, откуда должны исходить импульсы анархической практики и морального вдохновения для всех анархических групп на путях социальной

Революции — так как в это время российский действительности только мы, анархо-коммунисты, выдвигали лозунги Социальной Революции и только мы защищали их до издыхания...

В Москву т. Рогдаев прибыл, когда в отчаянной борьбе Революции местами перевес брала уже реакция. К этому еще он, по полученным связям в гор. Нежине, в Москве никого не нашел и принужден был искать связи на улицах, на подходах и баррикадах, в народной толпе. Но он, как истый анархист - революционер, к тому же обладавший даром ораторского слова и нужной страстью борца для таких моментов, быстро находит себе нужную связь в толпе революционного народа и через нее пробирается к баррикадам у Красных ворот, где и узнает точно о районах, в каких были сооружены и героически защищались баррикады анархистов и революционных труженников, шедших за ними. На эти баррикады т. Рогдаев перебрался спустя два-три дня и под псевдонимом (если не ошибаюсь) «Непримиримый», приступил со свойственным ему революционным энтузиазмом к деятельности на баррикадах и в этих районах. Но на московских баррикадах т. Рогдаев не успел выявить своих революционно - анархических сил полностью. Через неделю революционные силы Москвы были разбиты. В городе и окрестностях его воцарилась снова черная реакция царско-помещичьего строя. Над Москвой прокатились повальные обыски, аресты и разстрелы. Буржуазия изуверски мстила революции и носителям ее идей. И т. Рогдаев с особым трудом пробирается из Москвы в деревню и бежит на далекий революционный юг — в город Екатеринослав. Те было время, когда lui еще не сдавался — по городам и крупным селам революционные труженники еще отчаянно сопротивлялись атакам реакции. Здесь Николай Рогдаев с двумя-тремя товарищами такими же как и он энтузиастами, закладывает основание, из ранее созданных групп, екатериновской организации анархистов - коммунистов. Но его же инициативе и при непосредственном его уча-

стии эта организация совершает экспроприацию почтового поезда по Екатериновской ж. дороге и открывает на суммы, взятые при этой экспроприации, негласную типографию у самой резиденции царя — близ г. Ялты, в Ливадии.

Выпуск своей, отвечающей моменту, литературы, в особенности листовок с призывом помочь организации, сравнительно скоро, завоевал должные симпатии среди рабочих, крестьян и революционно настроенной интеллигенции. Товарищ Рогдаев умел подобрать и подготовил внутри этой организации кадр хороших пропагандистов и организаторов, что и содействовало тому, что екатериновская организация выпустила из своего нутра ряд хороших работников анархизма, некоторые из них долгие годы вдохновляли и направляли всю работу екатериновской организации анархистов - коммунистов и сохранились до сих пор, несмотря на все козни большевистской диктатуры, которая, то и дело, гоняет их из одной ссылки в другую.

И именно отсюда, из Екатеринослава, т. Николай Рогдаев под псевдонимом «Дядя Ваня» становится известным для всей России, в особенности после знаменитого по своей самоотверженной отваге отбоя смертников из под конвоя, только-что получивших в суде смертные приговоры и по дороге из суда в в тюрьму, в камеры смертников, получивших свободу...

Но таких смелых и дерзких, по отваге и чистых по своему идейному замыслу актов, за Екатериновской организацией под идейным и организационным водительством «Дяди Вани» числится немало, и непримиримый «Дядя Ваня» в них играл первенствующую роль.

Ему же Рогдаеву — «Дяде Ване» при надлежит инициатива и организация раскола севастопольской организации в г. Севастополе в начале 1907 г., когда 50 человек, виднейших работников севастопольской организации партии социалистов - революционеров, во главе с т. Митрофаном, приняли идеи анархического коммунизма и оформили свою организацию под девизом «Свобода внутри нас». Правда, «Дядя

Ваня» этим своим делом меньше всего кичился, тем более, что официальным виновником этого эсеровского раскола был лидер интернациональной группы анархистов — коммунистов тов. Сергей Борисов; но т. Борисов и шагу не делал в этом направлении без «Дяди Вани»; даже больше этого, во всех переговорах и диспутах с эсеровской группой Митрофана главную роль играл «Дядя Ваня». При его же непосредственном участии т. С. Борисов сделал в своей квартире ловушку для виднейших чиновников севастопольских санитаров и охранного отделения с их начальниками во главе, следствием которой явилось то, что они почти все были взорваны специально приготовленной бомбой-македонкой.

В области диспутов с противниками идей анархизма «Дядя Ваня» также не оставил никогда наших пропагандистов в обиде. Всегда, где только ни вызывали их наши враги на этот диспут, товарищи призывали «Дядю Ваню» к себе на помощь. И противные стороны всегда несли поражения, следствием которых их ряды очень часто редели, а наши пополнялись, ибо рабочие и революционно настроенная интеллигенция их покидали и переходили к нам.

В 1907 году «Дядя Ваня» представлял российский анархизм на международном конгрессе анархистов в г. Амстердаме (Голландия).

На Амстердамском конгрессе «Дядя Ваня» также занимал достойное место первого среди равных представителей Российского анархо-коммунистического движения.

Присутствовавшие на этом конгрессе представители анархических движений других стран говорят и теперь, что Николай Рогдаев — «Дядя Ваня» — своей серьезно продуманной, полной глубины анархической мысли и революционного пафоса речью открыл конгрессистов: один из самых спокойных из них — Эрико Малатеста с особым энтузиазмом восторгался этой речью, а т. Луджи Фабри и сейчас вспоминает этот момент с особым чувством восхищения. Но нужно ли ссылаться

на все это при воспоминании о славном революционно-анархическом борце — Николае Рогдаеве — «Дяде Ване» или просто о «дядьке», как его называли на юге России — в Украинской крестьянской и рабочей анархической среде. — Пусть лучше наши молодые товарищи прочтут конспект этой его речи на Амстердамском конгрессе в журнале «Буревестник» за 1907 год и в особенности — «Приложение русских анархистов-коммунистов к Амстердамскому Конгрессу» распространенное в России особой брошюрой, выдержавшей несколько изданий и послужившей в свое время большим подспорьем для роста и деятельности наших групп. По этим документам товарищи сами могут составить себе мнение о том, кто был т. Рогдаев для нашего движения и какую полезную роль он сыграл в былое время для его развития...

В начале 1908 года Николай Рогдаев снова появляется в России. Это было время, когда Екатеринославская организация, пережив целый ряд счастливых своих удач на путях террора против царских сатрапов, а также отбоя смертников из под конвоя и тюрем, в частности знаменитого отбоя из севастопольской тюрьмы (посредством взрыва ее ограды) т. т. Тита и Шуры Мудрова 24 июня 1907 года, готовилась к организации побегов на шим товарищам из Екатеринославской и Симферопольской тюрем, и Рогдаев — «Дядя Ваня» целиком погрузился в дело организации этих побегов. Правда, из этих двух побегов удачным был симферопольский побег. В Екатеринославе он не удался и наши лучшие товарищи вместе с некоторыми социалистами — революционерами пострелялись на крыше заднего тюремного строения и многих перестреляли тюремная администрация и солдаты по распоряжению губернатора. Но это случилось по причинам, исходящим из тюрьмы.

За это деяние губернатора организация, при участии «Дяди Вани», организовала убийство его и ряда других высших

чинов городской и губернской администрации.

В начале лета «Дядя Ваня» провел целый ряд диспутов с социал - демократами и социалистами - революционерами под Екатеринославом и в Александровске, под с. Вознесенка. Эти диспуты проходили в поле, на зеленых полянках и по ночам. Каждая из спорящих сторон приводила своих членов и друзей, поэтому часто на них собиралось народу по несколько сот человек, что усиливало работу для наших босвиков, так как в таких случаях посты охранения местности диспутов занимали исключительно наши товарищи, им верили все и социал - демократы и социалисты - революционеры.

В результате этих серьезных и затяжных диспутов, социал - демократы, правда, пострадали мало, но социалисты-революционеры и под Екатеринославом и в особенности в Александровске — под Вознесенкой были разгромлены совершенно. Лучшие члены, даже комитетов эсеровских организаций, такие как Борисов, Иценко, Чайка перешли в наши ряды.

После этого в селах, на заводах по городам имя «Дяди Вани» передавалось из уст в уста, как великого и непримиримого борца за правду. Массы рабочих и крестьян, связавшись с анархистами, то и дело, что просили их устроить им еще и еще собрания, где бы говорил «Дядя Ваня». Но за «Дядей Ваней» полиция рыскала по следам и он принужден был быстро менять свое местопребывание, глубоко веря и надеясь, что в местах, где он потрудились достаточно остается в валежом отношении сильных и преданных делу анархизма товарищей. А наступила осень, «Дядя Ваня» переехал в город Хотин, Бессарабской губернии, и затем через Австрию — в Женеву — Париж, где у него также затягивались диспуты по несколько месяцев с пресловутым «воздем» мирового пролетариата — Владимиром Лениным.

В 1909 году «Дядя Ваня» опять в России принимает непосредственно актив-

нейшее участие по созданию Южной Федерации Анархистов и в подготовке, для оформления этой федерации, анархического съезда и т. д.

В это самое время члены Гуляй-Польской, Амурской и Хотинской анархо - коммунистических групп совершают экспроприацию Хотинской почты под Хотинским в 89,000 рублей и часть из этой суммы передают на открытие третьей типографии (ибо за это время вторая типография нашей организации была уже раскрыта полицией), а другую часть организация определяет на оружие, на издание специального сборника по истории анархического движения в России и, вообще, на литературу. Это дело организация поручает т. Богдану — «Дяде Ване», и бесцеремонно возвращает его за границу.

«Дядя Ваня» все это поручение выполнил со свойственной ему чистотой и аккуратностью. Он переправил в наши группы два или три транспорта оружия, разного калибра, и патронов, и неисчислимые транспорты литературы. Одновременно занимался организацией дела издания «Альманаха» по истории нашего движения в России и издал его тоже со свойственной ему честностью и аккуратностью и преданностью нашему движению.

С этого именно времени наш славный «Дядя Ваня» не возвращался в Россию, кажется, ни разу до самой Революции 1917 года. Но оставаясь за границей, «Дядя Ваня» держал тесную связь с российским анархо - коммунистическим практическим движением и заметно оказывал на него свое влияние. Это сказывалось в целом ряде анархических дел на бывшем юге России (теперешней Украине) и особенно выпукло подтвердилось, когда Гуляй-Польская группа почти вся попала в тюрьму и он, «Дядя Ваня» писал неуловимому в то время безстрашному и славному нашему террористу — герою Александру Семенову: «Гуляй-польцев во «что бы то ни стало нужно отбить...» и когда А. Семенов связался со мной и выяснил, как наиболее болезненной для нас, узников,

произвести нападение на тюрьму и отбить нас, тогда, мне помнится, многие наши боевики для выполнения этого дела прибыли из-за границы по сигналу имени «Дяди Вани».

Так в неустанной борьбе «Дядя Ваня» вел свою жизнь и за-границей, издали от бунтарского юга России, за это его враги наши не любили, иногда и в наших рядах, в особенности, из кочевников, перекочевывавших в наши ряды из рядов политических партий, пытались вырвать у Рогдаева — «Дяди Вани» — пальму первенства под черным знаменем анархизма подпольной России, но это им не удавалось, несмотря даже на то, что они одно время создали по закулисам грязный до подлости вымысел против него, на основании которого начали было подозревать его, как Азефа, в делах провокации, но Рогдаев — «Дядя Ваня» был всю жизнь неподкупной личностью и стойко и гордо шел своими кристальными путями бунтаря анархиста.

За-границей, в годы мировой войны, «Дядя Ваня» остался непоколебимым антимилитаристом, при всем его личном уважении к Кропоткину, Граву и другим теоретикам анархизма, он не пошел с ними в вопросах войны, он шел своими путями непосредственного анархиста-коммуниста-пропагандиста и практика. Это диктовало ему то, что он еще с большей энергией бичевал войну и ее защитников. С этой целью и во имя поддержания духа в рядах, устоявших наших товарищей из анархических антимилитаристических позициях он создал орган «Набат» и всю свою энергию и силы отдавал этому органу.

Но зато, когда вспыхнула Российская Революция 1917 года и когда одни «русские революционеры» поспешили воспользоваться услугами немецкого генерального штаба, а другие, будучи менее заметными своею ненавистью к войне, на правах русских граждан, «обывателей и патриотов» могли безпрепятственно возвращаться и возвращались из стран Антанты в революционную Россию, «Дяде Ване» в это время пути выезда из Швейцарии были от-

резаны. Политиканы — патриоты все сделали для того, чтобы этого бунтаря-анархиста как можно дольше задерживать за пределами Российской Революции. Таким образом, тот, кто был прямым и непосредственным пионером на путях создания и укрепления анархо-коммунистического движения в России, кто не падал ни себя, ни за ним шедших сил на посту этого движения, долгие месяцы оставался, словно в мешке, отрезанным от этого движения, как раз в тот момент, когда оно легализовалось и выходило на широкое и свободные просторы своего массового социально-революционного сформирования, и он не мог его непосредственно поддерживать и вдохновлять своим ярким приредным ораторским словом и организаторским делом.

Для того, чтобы Рогдаев — «Дядя Ваня» мог выбраться из провокаторского окружения патриотов — врагов и Российской Революции и нашего движения в ней — понадобилось вмешательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. — Лишь протест этого в тогданнее время революционного органа Российских труженников помог «Дяде Ване» выбраться из этого подлого окружения и приехать в Россию.

Но приезд его в Россию был несколько запоздалым: у дел нашего движения стояли уже люди в большинстве своем новые, подпольный дух российского анархизма знавшие мало, лишь по тем временам, когда они расблани в нем, да и не все на путях нашего движения, до своей эмиграции.

И «Дядя Ваня» им не мешал. Наоборот, со свойственным ему энтузиазмом и тем неподдельным революционным пафосом, каким он всегда и всюду жизнерадостно горел, он отдался пропаганде идей анархического коммунизма, никогда не брезгал черной работой, от которой «барчуки» в анархизме всегда бежали, считая, что они призваны только сидеть в федерациях и конференциях или в редакциях их журналов и только заниматься мараньем бумаги.

В Петрограде — теперешнем Ленинграде — вряд ли остались заводы и фабрики, где бы «Дядя Ваня» не выступал, по приезде из заграницы, со словом пропаганды идей анархизма. А переехав в Москву весной 1918 года, он от имени Московской Федерации Анархистов то и дело что занимался этой пропагандой и тут он снова по несколько раз сталкивался в диспутах с главковерхами большевиков — Лениным, Троцким и другими, и блестяще их разбивал, переводя аудиторию на свою сторону, но за большевиками главковерхами в это время была уже мощная полицейская сила — ВЧК-а и в результате, право оставалось за ними и они постыдно рвали и топтали тело революции...

В эту же весну «Бюро анархистов Донецкого Бассейна» афишировало в своем органе «Анархист» и отдельной афишей по всем городам и большим селам, что в ближайшее время в Екатеринослав прибудут анархисты — Юда Гросман-Рощин и «Дядя Ваня» с целью пропаганды идей анархо-коммунизма, и сделают турне по всей Екатеринославщине. И нужно было наблюдать, как заволновались в наших краях социалисты государственники, знавшие «Дядю Ваню» по его диспутам в былые времена с ними, и то, с какой радостью и нетерпением ожидали его крестьяне, рабочие и шедшая с ними трудовая интеллигенция, не говоря уже о том, какой подъем эта афиша сделала во всех наших группах и какую они готовили ему, «Дяде Ване», радостную встречу.

Но приезд этих двух титанов — анархистов (по тому времени) не сбылся и не сбылся потому, что в это время по всей Украине двигались уже железные полчища немецко-австрийских армий и были уже на подходе к Екатеринославу. А крестьяне и рабочие все еще надеялись и ждали, то и дело осаждавая пишущего эти строки и на съездах и на многочисленных митингах своими запросами: «Когда же приедет «Дядько»?

В начале 1919 года, когда я стоял уже во главе Революционного повстанческого движения (махновцев) «Дядя Ваня»

переехал из Москвы в Самару и работал в самарской федерации анархистов — коммунистов.

Руководимое мною движение разrostалось и оцищало великую территорию от дешиковых контр-революционных потрошеческих орд. Все лучшие силы нашей Гуляй-Польской группы анархистов — коммунистов были брошены в повстанчество на фронт. Приезжих анархистов было мало и большинство из них выходцы из семьи еврейского народа, плохо ориентировавшиеся в крестьянской обстановке. Аршинов был занят возле меня в качестве моего личного секретаря и много уделял времени на создание повстанческой газеты «Путь к свободе».

Прибывшая группа анархистов — коммунистов в 35 человек из Ивано-Вознесенска тоже мало насчитывала в своих рядах пропагандистов. Чувствовал, что-еще месяц-два и мы окажемся безпомощными идейно обслуживать освобожденные районы. Здесь «Дядя Ваня» был необходим и я, посоветовавшись с Аршиновым, затем, со штабом и советом повстанчества, снабдил гонца надлежащими документами, нужными средствами и отправил его в Самару за «Дядей Ваней». Но большевики гонца на пути к Самаре арестовали и прошло несколько дней пока я настоял на его освобождении. Также несколько дней взяла подготовка другого гонца. Но пока этот другой гонец добрался до Самары и пока «Дядя Ваня» со своей подругой собрались к отъезду в наши края, Ленин и Троцкий объявили меня и повстанчество вне закона и двинули своих рабов против нас и революции. И «Дядя Ваня» и гонец остались в Самаре и сразу же выпустили пламенную прокламацию — протест и разъяснение трудящимся той черной измены большевиков, с которой они подошли к своим рабам — красноармейцам и бросили их против нас...

После этого я один почти остался с славными повстанцами — крестьянами и рабочими. В это время я Аршинов испарился из повстанчества, но я не переставал думать — и болеть из-за того, что

возле меня не было «Дяди Вани».

Но вот наступили счастливые месяцы и для меня. Я со своими повстанцами жестоко громяю на Украине денкинские курдуса, очищая 11 уездных и 2 губернских города от денкинских войск и власти. Ко мне снова начался слет наших товарищей; но теперь я был уже менее напыен в отношении их. Мой взор устремляется в Самару, к «Дяде Ване». И я при первом же удобном для меня моменте, снова посылаю за ним гонца. И что же я получаю от моего любимого «Дяди Вани». Он мне пишет через моего человека: «Я получил сведения (быть может и не верные), что у вас Михайлович (читай Воляна, И.М.) играет большую и главенствующую роль. Личных отношений у меня с ним не было, но то, что он проделал, было ножом в спину и никогда не забывается...» (Примечание. Это было время, когда Михайлович, он же Воляна «работал» у В. Л. Бурцева», а сам Бурцев лежал на плотины начальника Всероссийского департамента полиции гр. Лопухина, открывшего ему Азефа как провокатора, работавшего и для партии социалистов-революционеров и для Всероссийской царской полиции). Это было время, когда

Российская эмиграционная революционная среда смотрела на В. Л. Бурцева, как на «незаменимого» спеша по раскрытию провокаторов и возводила его до небес. От этого триумфального славословия В. Л. Бурцева не отставала и наша анархическая эмигрантская среда и она, наша среда, почему то видела в лице Бурцева прорицателя и часто нужно и не нужно с большими и малыми своими делами обращаясь к нему и просила его расследовать эти дела и сказать о них свое «пророческое» мнение. Отсюда именно грязные люди возвели подлую клевету на т. Николая Рогдаева, пустив шепотком, по за кулисами молву о нем, как о провокаторе. А случилось это так: на путях российской анархической эмигрантской деятельности — деятельности в направлении России свершился провал: один из

активных работников был схвачен полицией. Наша среда сразу же бросилась к В. Л. Бурцеву за его мнением. Но Бурцев высказал только свое предположение, что дескать эта провокация видимо исходит от видного анархического деятеля и что самым виднейшим активным анархическим деятелем является Рогдаев. Это имело и дало козырь в руки грязным людям, старавшимся вырвать первенство инсинуации Н. Рогдаева в подпольном российском анархизме, и они пустили против него подлые слухи, из-за которых ряд старых работников анархизма создали товарищеский суд над Рогдаевым в лице т.т. Ортеани, М. Кюри и других, и суд навел все справки об этом подлом — вымышленном деле и категорически опроверг его.

Вот поэтому именно, что Воляна был в Махновском движении (хотя Воляна в нашем движении в это время уже не было) он, Рогдаев, — «Дядя Ваня» — на сей раз отказался приехать по моему повторному зову в движение Махновский. И я, конечно, замолчал. У меня в это время не было ни сил, ни времени переубеждать его в том, что Воляна давно в движении нет...

Однако, я знал, что «Дядя Ваня» не переставал интересоваться судьбой руководимого мною движения. Об этом говорили мне многочисленные его письма, главным образом, следующее его заявление Ленину:

— Как известно, в 1920 году Владимир Ульянов — Ленин, будучи хорошим личным другом «Дяди Вани» еще из эмиграции вызвал его к себе в Москву, в Кремль, и предложил ему, как знающему европейские языки, видный пост при штабе главнокомандующего на Западном фронте. Одновременно просил его, «Дядю Ваню» посетить штаб Махно и уговорить самого Махно подчиниться «советской» власти.

Тогда «Дядя Ваня» ответил Ленину: «С вашего, Владимир, согласия ведомо: советская власть под водительством руководимой вами партией разгромила все анархические организации; и это мне ста-

рому революционеру - анархисту, не дает права принять предлагаемый вами пост...

— Что же касается уговаривания Махно, то это совсем невозможно. Вы все сделали для того, чтобы Махно выступил против чинимого советской властью произвола над тем трудовым населением, которое создало революционное повстанчество и признало Махно своим вождем». На эту тему Ленин много говорил с «Дядей Ваней»; но ни к чему не договорился — «Дядя Ваня» возвратился снова в Сахару. Однако скоро почувствовал, что открывенная его беседа с Лениным была излишней — В.Ч.К. взяла его после этой беседы с Лениным в такие щупальцы, что он не только что не мог выступать где либо на митингах, он не мог свободно передвигаться с места на место. После этого все как-то предупредительно связывалось с надзором и разрешением В.Ч.К., и этим самым и именно с этого времени жизнь сводится к прислушиванию и к присматриванию к тому, что готовит для него В.Ч.К. Отсюда начинается, так можно выразиться, новая революционная анархическая ориентация Рогдаева. Он задумывается над тем, чтобы перейти в подполье и служить более активно, как всегда ранее служил нашему движению. Для этого он начал было подбирать стойких товарищей среди молодых энергичных наших друзей. Но много препон становилось ему на этом пути. В это время уже целый ряд старых работников российского анархизма и анархо - синдикализма, один из коих, будучи истерзанны голодом, другие просто по своим лоялистским наклонностям пошли на службу в различные учреждения советской власти. Большевистские сановники, знавшие хорошо Рогдаева, то и дело ставили ему всех служивших у них наших товарищей в пример, удерживая его в скрытой враждебности к советской власти и на этом основании берут его под еще большую полицейскую бдительность В.Ч.К.-а. Под влиянием этих и им подобных произвольно сложившихся условий жизни т. Рогдаева, окружавшие его наши младшие товарищи, естественно, заколебались

над переходом в подполье и он на пути к подполью остался одиноким.

Так наш славный Николай, терзаясь душевно, изнемогая физически, метался в этих проклятых щупальцах В.Ч.К. из стороны в сторону, решительно голодая несколько месяцев под ряд. И в результате принимает пост в просветительном отделе Комиссарата Просвещения, вскорости переводится на пост генерального секретаря отдела по Востоковедению при Кавказском Исполнительном Комитете Советов в г. Тифлисе. Здесь он создает для этого отдела атлас и алфавит Востоковедения и выдвигается в первые ряды научных работников в этой области; одновременно налаживает связи с анархистами за границей, в частности с нашей группой в Париже, пишет статьи, поддерживает материально журнал «Дело Труда». Высшие большевистские сановники по просвещению замечают в лице т. Н. Рогдаева выдающуюся силу и переводят его из Кавказа в Москву.

В Москве Рогдаев встречается с нашими старыми выдающимися и с теоретической и с практической стороны носителями идей революционного анархизма, находит с ними общий язык и занимается чтением рефератов, докладов по анархизму в Западной Европе, об анархистах — Малатесте, Ф. Домеле Нювенгейсе и других, дела и писания которых заслуживают нашего особого внимания... И принимает активное участие в проработке анархических положений нашего российского движения. Но скоро замечает, что при условиях Г.П.У. далеко такой ответственной работы не подвнешь, Рогдаев обращается к нам в «Группу русских анархистов в Париже». Просит позаботиться о типографии, о средствах, чтобы приступить к изданию «Альманаха» по истории анархического движения в России до и во время Революции. Обещает все материалы для «Альманаха» заготовить там в России с тамошними нашими друзьями, при этом глубоко надеясь и веря, что такой «Альманах» явится большим и серьезнейшим подспорьем для идейного воспитания и практической деятельности нашего молодого

го анархического поколения.

Увы, это не сбылось! Аршинов в это время был занят разработкой «теоретических» основ (если можно так выразиться) нового направления в анархизме и видимо не мог уделить нужного внимания этому великому делу т. Николая Рогдаева и окружающих его наших друзей или же просто не интересовался им. Я же лично в это время уже вышел из группы и подходящих людей для такого дела в стороне от группы не находил. А осаждать американских друзей в связи с этим вопросом не мог, так как большинство из них в это время еще крепко держалось за Аршинова, меньшинство же было слабо. К этому же у меня лично наметился с большинством моих американских друзей к этому времени, частью по моей вине, частью же по вине их самих разрыв. К «Пробужденческой» же группировке я не мог обращаться с вопросами касательно «Альманаха», потому что некоторые товарищи этой группировки в своем выступлении против отрицательного отношения наших московских товарищей к появлению газеты «Рассвет», не позаботились разъяснить им, что «Рассвет» не есть орган анархистов, а орган русской трудовой колониальной общественности, и посмели называть их агентами соввласти и даже чуть не Г.Н.У. В то время, когда эта же самая соввласть с этим же своим Г.Н.У. терзали и продолжают терзать душу и тело этих товарищей.

Правда, это мало имеет отношения к нашим воспоминаниям о т. Николае Рогдаеве. Но обо всем этом вспомнить теперь тем более уместно, ибо благодаря

именно таким причинам совершались наши ошибки за ошибками и мы губили великое общее дело здесь на эмиграции, а Г.Н.У. постепенно, но верно убивало жизнь великого пионера Российского революционного анархизма — славного бунтаря-анархиста-коммуниста — Николая Рогдаева. И теперь этого бунтаря нет ни возле нас, ни вдали от нас. Он умер в лишениях свободы и нормальной пищи и лежит на далеких закавказских стенах... Но пусть все это послужит и для нас и для нашего молодого поколения уроком в будущем.

А ты, дорогой друг, товарищ и брат наш, спи хотя и тяжелым и безыроковым сном, но спи спокойно. Твое дело — наше дело. Оно не умрет никогда. Обновленным, светлым, здоровым для жизни и последующей борьбы трудового человечества, она «отзовется на поколениях живых»...

Вечная память тебе, друг!

Позор и проклятье тем, кто на тебя подло клеветал и кто тебя с мелочной, трусливой расчетливостью, медленно, но систематически, терзал твою душу и сердце, так долго терзал и убил.

Франция. 1933 г.

НЕСТОР МАХНО.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Эта статья т. Махно была найдена в бумагах покойного. Приставив ее Г. Кузьменко сообщает, что она не была переслана своевременно в «Пробуждение», так как у автора ее не было денег на пересылку. Потом же он опасно заболел и очутился в госпитале.

ЗНАНИЕ И ТРУД

Целый ряд крайне важных проблем имеется у анархистов в их повседневной работе. Но самая важная проблема, это — формирование и воспитание анархистов, без чего немислимо и невозможно раз решение всех остальных из них.

К великому сожалению воспитание и создание анархистов, т. е. людей любящих свою и чужую свободу, создающих ее роль и ее назначение, ее возможности и ее границы, и способных жить в свободе сами и уважать чужую свободу не совершаются в анархическом движении с должным вниманием и в должной степени. В анархическом движении, так же как и в политических, культурных и синдикальных организациях, люди все еще выступают чисто случайно, или из личных и групповых побуждений. Достаточно какому нибудь человеку посетить пару раз анархические собрания или лекции, или прочесть пару номеров анархической газеты, чтобы уже считать себя анархистом.

Но для того, чтобы в действительности стать анархистом недостаточно еще называть себя таковым, а необходимо еще понимать, чувствовать и практиковать хотя бы основы анархизма: необходимо непрерывное совершенствование личности, стремление расширять и углублять ее сущность и любить жизнь и людей — всех людей — всем своим нутром, всеми фибрами своей души и своего ума. Ибо быть анархистом, это быть личностью, способной видеть жизнь собственными глазами и незамедлительно предразсудками и неослепленными слепой верой: личностью, могущей действовать по собственным побуждениям и собственной воле и которая бы руководилась в своих действиях сознанием, уважением к человеческой личности и любовью ко всем людям.

А такие чувства не импровизируются. Они вырабатываются в человеке непрерывным напряжением ума и воли, постепенным развитием чувств и постоянным практикованием идей терпимости и любви ко

всем людям, ко всему человечеству

Прийти к анархизму можно различными путями, в зависимости от темперамента личности, ее социального происхождения, условий и среды, в которых человек живет.

Одни приходят к анархизму, видя в нем возможность освобождения от ига эксплуатации и насилия, другие потому, что видят в анархизме возможность реализации своих идеалистических и нравственных устремлений; третьи из за стремления водворить в жизнь принцип свободы, любви и братства между людьми; четвертые — влекомые стремлением внедрить в жизнь любовь к природе, красоте и гармонии.

Но каким бы путем и по каким бы соображениям человек не приходил к анархизму, всегда необходимо, чтобы личность работала над собой, училась, познавала, делала мозговые и нравственные усилия к своему самосовершенствованию, стремилась стать анархистом, т. е. человеком высоко нравственным и идейно выдержанным, личностью одержимой любовью к людям и готовой на все жертвы для блага людей, каждого человека и всего человечества. Ибо только высоко нравственные и идейно выдержанные личности, независимо от того как они себя именуют и к какой группировке они бы ни принадлежали, могут быть работниками лучшего будущего, носителями и творцами нравственного и социального прогресса.

В общественной жизни имеются люди, которые думают своим умом и в своих действиях руководятся своим собственным разумом, но имеются люди, которые совсем не думают, а живут чужим умом и действуют только по приказу других людей.

Но в анархическом движении могут принимать участие только люди сознательные, мыслящие, думающие своим собствен-

ним умом. Анархизм стремится к тому, чтобы всякий здоровый человек жил от своего труда, а не за счет работы других людей, но он также стремится, чтобы каждый человек, имеющий голову на плечах, мыслил своим умом, а не был бы простым воюгаем, повторяющим чужие мысли, паразитом мыслительной способности других людей. Ибо так же, как имеются паразиты чужого труда, имеются паразиты в чужих мыслях.

Анархизм же стремится к уничтожению всякого паразитизма как физического, так и умственного, делает всевозможные усилия, чтобы каждый человек мыслил своими мозгами и жил от своего труда. Ибо только тогда, когда все люди будут самостоятельно мыслить и жить от труда своих рук, смогут исчезнуть государство и насилие, разделение людей на управляемых и управляющих, на рабов и господ, и все люди смогут быть равными и свободными.

Немыслящий человек самостоятельно — раб чужих мыслей: неспособен проявлять свою собственную инициативу — раб какогонибудь хозяина.

Научиться мыслить самостоятельно есть вещь крайне важная для анархиста. Но мыслить не значит просто двигать мозгами. Также недостаточно только иметь здоровые мозги. Нужно научиться работать ими сознательно и наполнять их хорошим умственным и нравственным материалом.

Ибо так же как недостаточно иметь пару здоровых и сильных рук, а нужно еще уметь владеть ими, точно так же недостаточно иметь мозги, а нужно уметь пользоваться ими.

Всякий человек хорошо знает, что работать хорошо на какойнибудь машине может только человек, научившийся этому, и что никто не возьмется летать прежде, чем не научится управлять аэропланом, прежде чем не напрактикуется летать.

Иметь мозги еще не значит уметь пользоваться ими, работать ими и работать хорошо. Что мыслить трудно, видно хо-

тя бы из того, что громаднейшая часть человечества все еще не научилась мыслить самостоятельно, все еще не пользуется своим собственным умом и не стремится постигнуть все прекраснейшие духовные, нравственные и интеллектуальные возможности жизни, а живет крохами от мозговой работы небольшого количества людей, не всегда лучшего, людей научившихся мыслить самостоятельно.

Стать анархистом это — научиться прежде всего, ничего не принимать на веру, а мыслить собственным умом, научиться думать самостоятельно и без всякой предвзятости. К великому сожалению и в анархических рядах способность самостоятельно мыслить, думать и действовать не стоит на должной высоте. Большинство даже и анархистов все еще мыслят чужими мыслями и думают чужим умом.

Часть — просто поверхностные люди. И только небольшая часть понимает всю важность самостоятельной мыслительной способности.

В политических партиях и синдикалистских группировках это не играет важной роли: думают вожди, а массы только выполняют волю вождей.

Но у анархистов нет и не может быть вождей, и если отсутствует способность мыслить у отдельных анархистов, само движение теряет свое анархическое содержание. Только те группы и организации, где члены сознают чего они хотят и к чему стремятся и способны действовать и мыслить самостоятельно без вождей, могут быть анархистами. Только те люди, которые способны понять как мало они знают и как много им еще нужно познать, те суть истинные анархисты. Ибо чем больше человек знает, тем больше сознает как много ему еще не хватает, чтобы знать все.

Такой человек никогда не будет претендовать, что вся истина у него, что он один способен пересоздать всю жизнь и двинуть весь прогресс по новому пути. Наоборот, зная и сознавая насколько от-

раничены его познания и способности, такой человек всегда будет стремиться быть терпим к чужим мнениям и поступкам, и никогда не пожелает быть вождем или диктатором. Для такого человека все люди равны и способны быть полезными для жизни и для человечества. Такой человек всегда будет стремиться к познанию жизни и улучшению ее, но никогда не будет претендовать на собственное совершенство и непогрешимость.

Лишь малознающие люди, малоразвитые и полудикари могут претендовать на знание всего и на руководство и власть. Характерное явление: большинство выдающихся вождей народов в прошлом были, по большей части, выскочками малограмотными и малоразвитыми. И чем меньше сами они знали о жизни и человечестве, тем больше они претендовали на руководство и на право властвовать и управлять людьми.

Характерный пример, это — Наполеон. Безпринципный, нахальный, нравственно низкая личность, он не останавливался ни перед чем, чтобы взлезть на трон и удержаться на нем. Миллионы жизней он гнал безоглядно на убой, сотни тысяч казнил и замучил, и все средства были для него хороши, чтобы царствовать. Но стоило ему попасть в беду, и он оказался таким же жалким ничтожеством как любой преступник, затнанный на Чертов остров.

Не лучше суть и теперешние диктаторы. Муссолини, Сталин, Гитлер, все они — личности. В человеческом смысле, ничтожные, малоразвитые, малограмотные и бездарные. Единственная их сила состоит в том, что они нравственно и морально так низки, что они способны плавать и купаться в реках человеческой крови и человеческих страданиях, не чувствуя угрызения совести.

Их сила — в их бездушности, безнравственности и отсутствии моральной ответственности. Для них человек — животное, и даже меньше этого. И все меры насилия, убийства и казни для них хороши и приемлемы. Совесть у них атрофирована, ум — в материальных рас-

четах и нравственность — мертва.

История показывает, что все те, кто претендовали на руководство и на власть были, по большей части, люди безпринципные, малознающие и морально низкие личности. Вообще, чем больше человек претендует на всезнание, тем меньше он в действительности знает.

Это отсутствие знаний и сознания во многих называющих себя анархистами и которые поэтому претендуют навязать другим свои мнения, ведет часто к тому, что движение идейное и социальное превращается в борьбу групп за преобладание той или другой личности, той или другой группы. И братоубийственная борьба за обладание заменяет идейную дискуссию и взаимообмен знаниями и опытом. И оно вполне объяснимо. Разуждают и дискусируют люди, когда у них имеются знания и сознание. Тогда люди стараются переубедить друг друга аргументами. Но у людей, у которых аргументов мало и еще меньше знаний и сознания, самые сильные аргументы их, это — личные оскорбления и унижения, а часто даже чисто физическая аргументация кулаками или пулей.

Человек идейный и сознательный знает, что его идеи — временные, что неизбежно найдутся более совершенные идеи, и даже ведя самую ожесточенную борьбу против своего противника, он ведет не как против личности, а против идей, защищаемых этой личностью, стараясь переубедить его.

«Ты злишься, значит ты неправ? — истина вполне установленная. Кто же чувствует себя правым, тот не питает злобы даже к своему палачу в момент казни, а жалеет его как жалкое, нравственно-больное существо»

Это также объясняет почему многие, и по большей части даже самые крикливые, буйные и активные элементы, удаляются так далеко от движения. Они, по большей части, вошли в движение, влекомые каким-нибудь чувством злобы, ненависти,

мести или зависти, а не потому что ослепляли жизнь и одержимы страстным желанием лучшего будущего и лучшего человечества. Их действиями руководили их чувства. Но как только они не видят возможности проявления своих чувств мести, зависти, злобы и ненависти, они так же легко уходят из движения как вошли в него. А часто даже уходят в лагерь самых страшных врагов тех идей, которые они сами проповедывали и превращаются в самых жестоких преследователей своих вчерашних товарищей по идее и по устремлениям.

Для таких людей скачек из анархизма в фашизм — самая простая вещь.

В действительности такие люди всегда были и есть враги анархизма. Они вошли к нему случайно и случайно же из него выходят. У них нет того сознания, которое бы ими руководило, ни той нравственной базы, которая бы руководила их поступками. Они никогда не думали собственными умами и их пребывание в анархических рядах их ничему не научило.

Они действовали, но не думали. Они возставали, но не по своей собственной воле и инициативе. Они искали возможности получить пользу от своей активности, а не ими жертвовать. Они ненавидели буржуа, но сами хотели бы им быть. Они были против власти пока она в руках других, но хотели бы сами быть у власти, руководить жизнью других и навязывать людям свою волю.

В рядах анархистов во всех странах

перебывала масса людей, но лишь немногие в них остались, потому что анархисты мало занимались поднятием их идейного и культурного сознания, чтобы сделать их способными мыслить самостоятельно и действовать под влиянием идейных и нравственных побуждений, а не только чувств недовольства, ненависти, зависти и злобы. И ясно, что при таких условиях ждать чего-нибудь лучшего трудно.

Но этот урок не должен был бы пройти без пользы для анархизма и анархического движения. А необходимо, чтобы были приложены все возможные усилия, чтобы люди, входящие в анархическое движение превращались в анархистов сознательных и идейно — нравственных. Стали бы личностями сознавшими свою истинную роль в жизни; приучились бы пользоваться самостоятельно своим разумом, познали бы жизнь настоящую и будущую человечества; воспитывали бы в себе благородные и любовные чувства и умирали бы без чувства зависти и злобы. Ибо только тогда эти люди будут анархистами и их активность будет полезна для них самих, для других людей и для всего человечества.

Тогда, если даже кто и уйдет от анархического движения, он не станет врагом анархизма. Ибо духовно и нравственно он всегда останется человеком доброй воли, и несмотря на то, что он перестанет активизировать анархическую идею, она у него будет сидеть так глубоко в уме и в сердце, что он не сможет стать ее врагом и палачом.

Анатолий Горелик.

Стихийность в революции

Мы не будем углублять и удлинать список тех слабых мест анархизма, которые выставляют критики, так как он не имеет для нас особого значения в неприменном перечислении его всего. Все они, как мы видели, довольно разнообразны и не являются достоянием какой-либо определенной группы, за исключением, может быть, «платформизма», пытавшегося создать из этого целостное мировоззрение.

Для нас важно сейчас не это, а явление, которое мы хотим сделать с нашей стороны, что русское анархическое движение в период русской революции вылилось в два совершенно различных течения. Первое течение осталось, по нашему мнению, на старых анархических позициях, слилось с массой, работало в массе и целиком вверило дело революции массовому движению; второе — признало истинную революционную силу на стороне коммунизма, партии большевиков 1) и вышло в массовом движении, вместе с большевиками, ослабление сил революции и всего так же, как и большевики, борьбу с ним. Наличие организованной силы, какую представляла в то время коммунистическая партия, и ее умение «обуздать» стихию, легло в основу «смысла русской революции» и послужило «уроком», достойным подражания.

Но мы берем на себя смелость утверждать, что существовало и другое течение, подходившее современно иначе к революции, видевшее ее в ином свете и действовавшее в другом направлении. И это движение вынесло совершенно другое «свидетельство» и совершенно другой «урок» русской революции, которое, мы думаем,

имеет больше прав на свидетельство анархическое. Естественно, что настоящая статья «Стихийность в революции» не является официальным выражением этого последнего течения, а есть только личное мнение автора, по мнению, исходящее из данных посылок.

Здесь мы подходим к другому моменту, который очень важно подчеркнуть. В анархическом движении неоднократно ставились весьма существенные вопросы, как, например, об организации анархического движения, о программе, о проверке наших идей и т. д. Нельзя, конечно, отрицать за ними известного положительного значения и анархическая мысль не может и не сможет обойти их молчанием.

Мы даже идем дальше в этом отношении и утверждаем, что если до сих пор они возникали преимущественно в русской среде, то недалек тот день, когда это станет общим кличем всего движения. Два вида причин вызывают его. Первая — субъективного характера: внутренним совершенствованием нашего движения; вторая — объективного: общим процессом революционного движения, всем ходом событий.

Начнем с первой причины. Нельзя, конечно, утверждать, что анархическое движение оставалось в неизменном состоянии: как всякое движение, начиная с рудиментарных форм организации, оно постепенно выкристаллизовывалось, известным образом совершенствовалось: маленькие, разрозненные группы, действовавшие совершенно изолированно, самостоятельно, на свой страх и риск, постепенно начинают объединяться и обобщать свою деятельность.

Такое движение совершенно естественно и нормально. Расширяющееся движение само по себе и новые потребности агитации, пропаганды наших идей вызывают соответствующую потребность организации, способной отправлять те нужды, которые встают перед ней. На заре социалистического движения, когда еще во-

1) Не с точки зрения принятия программы большевиков, хотя были и такие, впоследствии вошедшие в партию, а с точки зрения признания организованной силы, способной произвести, «завоевание» революции и ее «делания», хотя бы и не в истинном анархическом смысле.

прос только ставился о классовой борьбе, дело пропаганды не представляло тех сложностей, встающих перед нами: то время еще не имело особого движения и общественные отношения не были такими, какими мы их видим теперь.

И если перед нами теперь вновь стоит вопрос об организации, то постановка его совершенно естественна. Скажем, больше того — он приобрел исключительную важность. В том виде, как мы находимся теперь, мы не можем выйти на общественную арену революционной борьбы, имея сбоку себя такие могущественные организации, какими стали в настоящее время социалистические партии. Не идейный, а организационный перевес дает преимущество социалистам. И трудно, конечно, говорить, что мы, находясь в том же виде, как сейчас, могли выступить на решительную борьбу с ними. Могущественный партийный аппарат, естественно, является и тем источником материального могущества, который позволяет им играть руководящую роль в рабочем движении.

Вот почему вопрос внутренней организации неизбежно принимает катастрофическое значение. Имея перед собой социалистическое движение в существующих формах, мы стоим перед ним сектантскими кружками, не претендующими на общественную роль.

Есть тенденция видеть в этом природу анархизма; но это, конечно, неверно. Анархизм имеет в своей истории и такие примеры, когда его влияние на революционное движение было значительно, более сильное, чем социалистических течений, и, если теперь он оказался отторгнут, то в этом виновата не природа анархизма, а радикализм его принципа. В самом деле, социалистическое движение, радикальное в своих истоках, погубило свою мощь путем отказа от враждебности к существующему обществу; фактически, оно слилось с ним, рационализировало формы демократических партий, легитимизировало себя в отношении существующего государства.

Анархизм этого не сделал и не может сделать, оставаясь принципиальным про-

тивником современного общества. Перед ним стоит задача выработать свой путь, найти новые формы организации. Такой путь всегда, конечно, труднее и больше. Но сущность заключается здесь не в трудности, а в правильности такого пути, и на это мы, после всего исторического опыта, должны ответить утвердительно. «Платформизм» предлагал нам организацию партии. Известно, какой отклик симпатий вызвал такой способ разрешения вопроса. Покойная тов. Корн (Гольдсмит) пыталась даже найти исторический прецедент для оправдания такой постановки. Конечно, это, если не известного рода рецепт, то — компромисс, совершенно не оправдывающий себя.

Партия, политическая партия родилась вместе с парламентаризмом и гораздо более старая форма политической организации, чем анархическое движение. Сейчас это уже, по нашему мнению, сходящая со сцены форма политической организации. Конечно, мы не можем отрицать, что в наши дни также зарождаются новые партии, как и раньше, но это, по преимуществу, политические партии, группирующиеся в недрах парламентской борьбы.

Но если мы обратим наш взор на те организации, которые возникают не в процессе приспособления к установившейся парламентской традиции, а в результате общественной самостоятельности, то вид ассоциаций, союзов, групп и их федерации является господствующей тенденцией. Все они строятся, более или менее, по принципу снизу вверх и здесь мы скорее можем найти необходимые нам образцы. Тем более они должны вызывать наш интерес, что одновременно они служат и показателем общественной тенденции заменить представительную демократию демократией реальной.

Потребность более прочкой организации в анархическом движении чувствуется всеми, но практическое осуществление его наталкивается на ряд ложных истолкований понятий централизма и власти. Во-первых, чисто доктринальная, создать внутри себя властные органы, приводит к дей-

ствительно курьезному явлению, что уничтожая власть, мы создаем ее. И в самом деле, наши центральные органы, секретариаты, обычно являются или просто такими же местными организациями, с несколько более расширенной деятельностью, или действуют и вынуждены действовать, как самая настоящая власть. А между тем достаточно обратить свой взор на любую из тех организаций, о которых так много и красноречиво говорит Кропоткин, списывая их, как образцы безвластного коммунизма, чтобы заметить, что в каждой из них — и чем она шире, тем строже — выработан определенный статут, являющийся обязательным как для членов, так и для их исполнительных органов. Попробуйте войти в ту организацию спасения на водах, к которой Кропоткин чувствует особенную симпатию, и вы увидите, как там регламентирована жизнь. Две типичные особенности подчеркнули мы в этих организациях и обе они неразрывно связаны друг с другом — статут и исполнительный орган.

Всякое общество, при своем возникновении, если оно не хочет быть построенным на властном принципе (т. е. сверху вниз) должно выработать некоторый статут, т. е. договор всех членов, входящих в данное общество. И этот момент реального договора и является той характерной особенностью, которая отличает безвластное общество (т. е. снизу вверх) от всякого другого. Договор, принятый всеми членами общества, есть совершенно необходимый элемент для жизни данного общества.

Выработав, заключив такой договор, он становится обязательным для всех членов, иначе общество прекратило бы свое существование.

Кропоткин в своей книге «Взаимопомощь» блестяще доказывает все значение этого договорного начала для жизни и развития общества. Но договор этот должен быть реальным договором, т. е. должен исходить от всех членов общества. Бакунин дает нам две формы власти: власть божественной делегации и власть

народной делегации, т. е. народного суверенитета. Власть божественной делегации была создана монархией, когда монарх управлял от имени бога; власть народной делегации исходит, наоборот, от имени народа. Современное демократическое государство поконит на принципе народного договора, но только реализация его происходит путем делегации народных представителей, т. е. этот договор не есть результат действительного народного договора, а только результат незначительной его части, народ же в нем никакого участия не принимает.

Чтобы понятие свободы было действительным и полным, Бакунин пришел к заключению привлечения каждого члена общества к участию создания такого соглашения или договора, а это привело его к уничтожению иерархического общества и замене его федерализмом, т. е. организации снизу. Но он не исключал центральных исполнительных органов, только ставил их деятельность в зависимость от общества. Не они должны были создавать регламент, а только исполнять его, проводить в жизнь. Именно, договор, статут определял их деятельность.

Вот почему присутствие этих двух элементов совершенно необходимо. Выбрать центральный орган еще недостаточно — нужно дать ему наказ, определить его деятельность. У нас имеются секретариаты и, вообще говоря, исполнительные органы, но, обычно, боясь создать властную организацию, придать им характер власти, не определяют их деятельность, не дают им нужного наказа, и, тем самым предоставляют им полную свободу действия. Именно эта то свобода действий и есть та характерная особенность властных исполнительных органов. Вот почему мы считаем необходимым присутствие регламента или устава данного общества.

Присутствие устава не только не вводит властного элемента, но, совершенно наоборот, уничтожает его, сводит исполнительный орган к технической функции. Но может быть мы таким образом приходим к организации партии? Совершенно нет.

Характерная особенность партийного исполнительного органа всегда заключается в идейном руководстве его, у нас же он только исполнительный. Идейное руководство в нашей организации исключительно зависит от личного влияния, а не облечается в форму полномочий. В этой открытой форме идейного руководства мы имеем наличность власти. Партия родилась вместе с парламентаризмом, вместила все особенности этой свободной перархии и пережила приблизительно одинаковую эволюцию. Лидер партии — властелин, управитель. Это единоличное управление постепенно смягчалось и переходило к выборному органу.

Жизнь, в стихийном своем творчестве, вырабатывает новые формы, характерной особенностью которых есть то, что они являются результатом самодеятельности самого общества, как активного элемента и естественно, что в них, идя от случая к случаю, создается и тот фундамент, где нет места старым пережиткам. Нам необходимо двигаться вперед, но движение наше должно идти в ногу с движением самого общества, поскольку это движение идет снизу, а не сверху.

Социалистические партии суть результат компромисса со старыми формами и не к ним наш взор должен быть обращен. Возникающие организации (ассоциации, федерации и т. д.) имеют и исполнительные органы и устав, но это отнюдь их не роднит и не сближает с партией, потому что их исполнительные органы суть тех-

нические органы, а не руководящие. Их рост и развитие приводит к более строгой и тщательной регламентации, выработке устава, ответственности всех членов и исполнительных органов, но не к созданию власти.

Мы знаем, что потребность организации, которая так насущно чувствуется в анархическом движении, приводит многих к разрешению ее в анархо-синдикализме. В этом, отчасти, мы думаем, кроется его успех. Анархизм не борется внутри себя за усовершенствование своих форм и ищет его разрешения в компромиссе, создавал особое движение анархо-синдикализма и тем самым впадает в другую ошибку, о которой мы в свое время скажем¹⁾.

(Продолжение следует).

МУРОМЕЦ

1) Вопрос организации, как и ряд других, на которых мы будем останавливаться в дальнейшем изложении, к сожалению будет затронут только в общих чертах, так как в настоящем наша задача ограничивается проблемой постановки вопроса, каким путем мы, анархисты, могли бы воспринять и усовершенствовать нашу идею в процессе тех революционных событий, в частности — уроков русской революции, мимо которых мы, конечно, молчаньем пройти не можем.

К вопросу об организации, как и к другим отдельным вопросам (о синдикализме, например), мы постараемся вернуться в специальных статьях.

БИБЛИОГРАФИЯ

«Речи чикагских мучеников». С предисловием Александра Беркмана. Перевод с английского А. Фрумкина. Издание анархической группы имени Кропоткина. Нью Йорк, 1933.

В 46-ю годовщину казни чикагских анархистов (11 ноября 1887 г.) появилась в свет замечательная книга на еврейском языке — Речи чикагских мучеников (с краткими биографическими сведениями о них). Со времени чикагской трагедии прошло уже несколько десятков лет; рабочее движение в Америке пережило за это время различные периоды борьбы; 8-ми часовой рабочий день — заветный идеал чикагских мучеников — давно уже стал совершившимся фактом, но сама чикагская трагедия не может быть забыта и она все еще волнует умы американских рабочих, для освобождения которых наши незабвенные чикагские товарищи отдали свою жизнь.

Сорок семь лет прошло с тех пор, когда чикагские анархисты Парсонс, Шпис, Фишер и Энгель были повешены, когда Линг, не желая погибнуть от руки палача, сам покончил с собой, и когда Фильден, Нибб и Шваб были приговорены к многолетнему тюремному заключению, хотя несколько лет спустя они были освобождены из тюрьмы, в виду недоказанности «преступления».

В чем обвинялись чикагские анархисты?

В 1886 году в Соед. Штатах замечался сильный рост рабочего движения. Несколькими годами раньше, а именно в 1878 г., Сенатом был принят закон о 8-часовом рабочем дне. Но закон этот оставался все время мертвой буквой. Организованные американские рабочие начали понимать, что 8-часового рабочего дня следует добиваться не законодательным путем, а путем прямой, непосредственной борьбы со своими истинными врагами — капиталистами. И рабочие готовились к об'явлению всеобщей забастовки на 1-е мая 1886 года.

Всеобщая стачка была об'явлена во

многих городах Соединенных Штатов. Забастовочное движение проявилось с большой силой и быстро расширилось. Замечнее всего оно оказалось в гер. Чикаго. Здесь капиталисты были не на шутку встревожены его широким размахом. Помимо, самой по себе стачки, рабочие безпрерывно устраивали здесь массовые митинги, на которых присутствовало несколько тысяч человек; и речи, произносившиеся на этих митингах Парсонсом, Шписом и Швабом, были направлены против капиталистов — эксплуататоров и против капиталистической системы вообще.

Интересно отметить, что некоторые из чикагских мучеников, как, например, Фильден, Шваб, принадлежали раньше к социалистической партии и принимали участие в политической деятельности. Достаточно известно, что Парсонс, например, был однажды номинирован в президенты от социалистической партии, но он должен был отказаться от этой чести, ибо, разочаровавшись вместе с другими своими товарищами в законной политической борьбе, он посвятил свои силы на создание сильных рабочих организаций, которые своими собственными силами смогли бы добиться удовлетворения выставляемых требований.

Главным требованием, выставленным рабочими в то время был 8-часовой рабочий день, который казался тогда почти недостижимым идеалом. И за дело достижения этого идеала рабочие города Чикаго взялись с большим воодушевлением.

Но чем больше рос энтузиазм среди рабочих, тем свирепее становились капиталисты и их прислужники. Соборания рабочих разгонялись полицией; забастовщики подвергались разным насилиям и избиениям, вплоть до умерщвления некоторых из них; аресты рабочих стали обычным явлением. И в довершение ко всему этому капиталистическая пресса подняла сильную кампанию против «агитаторов» и забастовщиков, стремящихся будто стать хозяевами города...

2-го мая 1886 года, вблизи фабрики

Мак-Кормика, произошла схватка между «тачевниками и стачколомками», которая, по всей вероятности, окончилась бы без кровопролития. Но в дело вмешалась прибывшая на место порисшествия полиция, которая не замедлила пустить в ход огнестрельное оружие. В результате оказалось шесть убитых и много раненых с обеих сторон.

Вскоре понятно, что рабочие были возмущены насилием, совершенным полицией. Они решили созвать большой митинг протеста, который и состоялся через два дня, 4-го мая.

На этом митинге говорили Парсонс, Шинс и Фильден. На митинге присутствовал тогдашний городской голова города Чикаго. Он был здесь с самого начала митинга и, выслушав ораторов, убедился, что созванный митинг — спокойный и мирный по характеру, ибо никто из ораторов не призывал рабочих к совершению насилия. Такое заявление было сделано им лично полицеймейстеру Бонфильду.

Митинг приближался уже к концу, Фильден заканчивал свою речь, как вдруг названный полицеймейстер, в сопровождении 180 полицейских, вооруженных револьверами, ворвался в помещение, где происходил митинг. Бонфильд отдает приказ закрыть митинг. Ему отвечают, что митинг мирный и законный. Тем временем вооруженные полицейские выстраиваются в два ряда с целью напасть на непослушную публику. И в этот момент раздаётся сильный, оглушительный треск от брошенной кем-то бомбы, улетевшей на месте 8 полицейских.

Еще большая тревога объяла капиталистов гор. Чикаго и они решили воспользоваться этим случаем, чтобы разгромить движение. Все известные анархисты, кроме Парсонса, который еще до конца митинга вышел из города, были арестованы, и начался дикий, кровавый разгул насилия... Все капиталистические газеты страны подняли вой против социалистов и анархистов, обвиняя их в разных кон-

спирациях и заговорах против американского правительства. Рабочие собрания были запрещены, все анархические газеты закрыты, а их редакторы и издатели схвачены и посажены в тюрьму.

При таких обстоятельствах начался 15-го июля 1886 года процесс чикагских анархистов.

Уже по выбору судейского персонала можно было видеть, что капитал и власть, измученные заранее решив судьбу обвиняемых, и что весь процесс будет, таким образом, разыгранной комедией. Понятно, никаких доказательств против обвиняемых анархистов, причастных, якобы, к брошенной бомбе, не было. Но разве всегда нужны доказательства для обвинения в чем-либо анархистов? Разве нельзя осудить анархистов «на основании»... без доказательств? Виновные или невиновные, чикагские анархисты были осуждены капиталистами на смерть. Они должны были умереть. И они умерли, обвиненные... в распространении анархической литературы и в издании анархической газеты «Аларм» («Набат»), редактором которой был Парсонс.

Прежде чем приговор был объявлен в окончательной форме, осужденным на смерть было предоставлено последнее слово. И в этом «слове» — вся серьезность, вся историческая важность процесса. Осужденные товарищи в своих кратких, но сильных речах говорили о рабочем движении, о рабочей борьбе и о тех идеалах, которые воодушевляли рабочих в их борьбе за достижение лучшей жизни. Вот некоторые выдержки из этих посмертных речей.

Из речи Шинса:

— «Анархия перед судом!» — слышим мы крики со всех сторон. Если это так, если вы судите здесь анархию, то осудите меня, потому что я анархист! Я верю, что современный капиталистический строй, основанный на эксплуатации и власти одного класса над другим, осужден на смерть и должен уступить место свободному обществу. Вы можете осудить меня, но пусть мир знает, что в 1886 году, в городе Чи-

кого, 8 человек были приговорены к смерти только за то, что они верили в лучшее будущее человечества»

Свою речь Шинс закончил следующими словами: «Мои идеи — часть моего «я». Я не могу освободиться от них, ибо они, идеи, во мне самом. И если вы, судьи, думаете уничтожить идеи, отняв у нас жизнь, то можете... Зовите палача! Но помните, что правда, заданная в Сократе, Христе, Бруно, Галилее, еще живет! Они и многие другие — наши проводники в жизни и борьбе. Мы готовы следовать по их пути!»

Слова из речи Шваба:

«Анархия пока — мечта, но она делается действительностью, ибо сознание и воля людей растут наперекор всем препятствиям».

Оскар Нибе, осужденный на 15 лет тюрьмы, сказал, обращаясь к судьям, следующие:

«Я хочу лучше умереть сейчас, чем быть умерщвленным понемногу... Я имею жену и детей и, если они узнают, что их отец умер, они его похоронят, они придут на его могилу... Но они не могут видеть в тюрьме своего отца, осужденного за преступление, никогда им не совершенное! Я знаю, что не могу быть повешен вместе с моими товарищами!»

Речь Линга была одной из достопримечательнейших обличительных речей, когда-либо произнесенных на суде. Он объявил себя сторонником насилия. Он сказал, обращаясь к своим врагам, следующие резкие слова: «Если вы нас казните, мы вас взорвем!» И его последними словами были: «Я проклинаю и ненавижу вас. Я проклинаю ваш жестокий и несправедливый строй, ваши законы и вашу, на насилии основанную, власть!»

Парсонс говорил долго, около 4-х часов. Это была исключительная сильная и прочувствованная речь. Но она не тронула судей...

Парсонс сам, добровольно явился на суд. Он был уверен, что его не будут судить... Он и был бы оправдан судом,

если бы согласился подписать поданную ему бумагу о помиловании. Но сознание его невинности и роковая участь его товарищей не позволили ему преклониться перед палачами. И он с гордо поднятой головой взойшел на эшафот.

Вот одно место из его длинной речи: «В рабочем движении нашего времени замечаются два течения: одно течение — анархизм — общество людей без государства или политической власти; другое — социализм, — где государство имеет контроль над обществом. Социалисты — государственники хотят освободить рабочих при помощи законов, но в действительности они их вновь порабощают. Анархисты же не признают никаких законов и никаких управителей. Люди должны жить свободно».

Но... после всего этого Парсонс, Шинс и другие чикагские мученики были окончательно осуждены на смерть. В новом рассмотрении дела, в новом процессе им было отказано. С трудом верилось, что они, невинные, будут казнены. Но невероятное и роковое совершилось: 11-го ноября 1887 года четверо лучших и преданнейших друзей рабочего класса были повешены! Наши незабвенные чикагские товарищи умерли, как герои, как люди, уверенные в том, что своей хулиганской смертью они приблизят день освобождения трудящихся.

Последними, предсмертными словами Шинса были: «Настанет время, когда наше молчание в гробу будет сильнее твоего голоса, который вы ныне заглушаете!»

Филлер крикнул: «Это — счастливый момент в моей жизни!»

«Да будет услышан голос народа!» — воскликнул Парсонс.

«Да здравствует анархия!» — было последним восклицанием Энгели.

Спустя несколько лет после знаменитого процесса, в 1893 году, Нибе, Филлер и Шваб были освобождены из тюрьмы, как невинные в акте 4-го мая 1886 года. Освобождение властями этих заключенных товарищей красноречивее всего говорит о том, что и повешенные анархисты были

Советский «критик» «Записок революционера» П. А. Кропоткина

В советской России теперь нет ни одной книги, которая не бичевалась бы по косточкам бездарными большевистскими критиками, выполняющими «социальный заказ».

По-большевистки это называется: «дать читателю правильную оценку книги».

Если они своими грязными руками берут и уничтожают лучшие книги, написанные такими известными мыслителями, как Л. Н. Толстой, Н. А. Рубакин, Н. А. Кропоткин и др., то это хотя зеркало и пресупло, но не ново: дикари и незуиты давно это делали.

Но издавать ту или иную книгу противника и писать длинные к ней предисловия, в которых искажаются подлинные мысли автора, или приписывать ему мысли, которых он не высказывал, — до такой степени и уродства еще ничто не доходило.

Большевики же это делают без всякого зазрения совести, ничем не стесняясь и ни с кем не считаясь.

**

Передо мною лежит известная книга П. А. Кропоткина «Записки революционера». Книга большого формата, изд. на хорошей бумаге, чисто и с некоторыми добавлениями, найденными в архиве автора, со многими иллюстрациями. Над последним мною потрудился Н. К. Лебедев, который принимал активное участие в организации музея имени П. Кропоткина в Москве и сбора материалов для полного собрания сочинений.

Предисловие к ней написал П. П. Парадилов (в переводе будет Райский — со-

левниковы в приписанном им преступлении, но были казнены только за то, что были преданы рабочему классу, возненавидели его врагов и, как анархисты, верили, что рабство людей должно быть уничтожено и его место должно занять безвластное, свободное общество, в котором все люди будут жить свободно и счастливо.

Л. ЛИПОТКИН.

всем несозвучная большевизму фамилия) или вероятнее всего прикрывавший этих негодяев какой-то важный большевистский член, защищающий деньги построчным гонораром. П. разошелся — же — пакал целых восемь страниц и, конечно, хорошо заработал.

Предисловие вышло таким и отвратительным потому, что искажает подлинное учение П. А. Кропоткина, — анархический коммунизм. Оно написано по большевистскому шаблону, с целью отвратить внимание читателя от анархических идей, которые были и продолжают оставаться притягательной силой для всех трудящихся — рабочих, крестьян и передовой интеллигенции.

«Литература об анархизме столь обширна, всевозможные точки зрения выражены с такой предельной резкостью, — начинает свое «предисловие» автор, — что сказать об этом вымирающем течении социальной мысли что-нибудь в принципе невозможно».

Парадилов поет отходную и хоронит анархизм. Если это социальное учение безжизненно, то почему г.г. Парадиловы все еще не оставляют его в покое?

Парадилову, вероятно, небезызвестно, что анархическое движение в СССР большевики разгромили, загнали в подполье, литература его конфискована, передовые анархисты в ссылке, а многие были расстреляны и продолжают подвергаться репрессиям и гонениям.

Все это не доказывает, однако, того, что анархическое течение умирает. Став на точку зрения этого неудачливого критика, мы могли бы сказать, что Гитлер в Германии и Муссолини в Италии, разгромившие большевистское движение, тоже правы, и похоронили большевизм.

«Записки революционера» — выдающееся произведение мировой мемуарной литературы. Доказывать это было бы совершенно излишним: они переведены почти на все языки мира, — говорит дальше ав-

тор предисловия. И продолжает: «В России и в некоторых странах Западной Европы они выдержали по несколько изданий. Безспорно точно так же и то, что П. А. Кропоткин — одна из крупных и оригинальных фигур международного революционного движения последней четверти XIX столетия».

Сказано ясно, правдиво, верно. И возражать не приходится. Истина остается истинной.

«Записки» — зеркало эпохи, в них освещаемой, но зеркало кривое, анархическое, — читаем дальше.

Признав «Записки» — ценным произведением, имеющим мировое значение, с одной стороны, казенный критик признает, в то же самое время «Записки» зеркалом, но кривым, анархическим.

Если бы эти «Записки» написал не выдающийся анархист, а кто-нибудь другой, то тогда этот «критик» назвал бы их прямым зеркалом, а не кривым. Какое поразительное отсутствие логики.

Затем — и это самое главное — казенный критик поучает читателя, полагая, что советский читатель — слаборазбравшийся человек и ему, как слепому, нужен проводник, без которого он может заблудиться. «Но читатель ни на минуту не должен забывать, что перед ним не легендарный летописец... а выдающийся теоретик так называемого анархического коммунизма, которому мир рисуется в специфическом антимарксистском свете». Не забывай, мол, читатель, даже ни на одну минуту, что произведение это написано выдающимся теоретиком анархизма — противником марксизма.

Прочитай, мол, согласишься с нами, старыми большевиками, верь нам... Поучают точь в точь так, как римский папа поучает своих католиков: слушайте меня, верьте мне, молитесь моему Богу и... все будет хорошо.

Это все повествуется на первой странице предисловия. Вторая страница написана в том же самом духе: анархизм, говорится там — мелко - буржуазное тече-

ние, его вожди — невыдержанные вожди до конца, способные на уныние и разочарование. А вот Маркс, Энгельс и Ленин — другое дело. Жаль только, что этот критик забыл упомянуть еще одного вождя — Сталина.

Третья страница предисловия — сплошь и рядом заполнена цитатами из Ленина и Коммунистического Интернационала... «Анархизм все более превращается в секту, всей своей тактикой и всеми своими выступлениями, в том числе выступлениями против диктатуры рабочего класса в СССР...» «Багастящий анализ и критика мелкобуржуазной сущности и полнейшей научной несостоятельности этого учения даны в произведениях Маркса, Энгельса и Ленина».

Как видно, читатель, советские горестники шагу не ступят без того, чтобы не сослаться на Маркса, Энгельса и Ленина. Их цитаты тычут даже туда, к чему они не имеют непосредственного отношения. Приказано цитировать побольше, они цитируют. Собака лает, если это хозяину ее приносит удовольствие.

«К выводу о переходном характере капитализма, о неизбежности социалистической революции, диктатуры пролетариата и коммунизма Маркс и Энгельс пришли на основании единственно научного, материалистического понимания истории «Научность, истинность их теории проварена и подтверждена не только массой теоретических исследований, но и всем ходом мировой истории за последние десятилетия. «Кропоткин (анархизм вообще) отрицает исторический материализм». И дальше, на той же четвертой странице, читаем:

«Марксизм требует уничтожения классов. Анархисты говорят об уравнивании классов».

Большевики — марксисты продолжают утверждать о научности своей теории. Даже делают ссылки на ход «мировой истории последних десятилетий». Но этот ход истории указывает на то, что теория марксизма - большевизма потерпела полное поражение. Об этом открыто говорит один

из виднейших марксистов К. Каутский, об этом ясно свидетельствует и показывает последние русская революция. Большевики в СССР 18 лет стараются насадить марксизм — большевизм. И что же вышло? Получилось полнейшее банкротство «научной» теории Маркса, Энгельса и Ленина.

В СССР процветает не коммунизм, а обильный государственный капитализм в самой дикой и грубой форме. В одном только прошлом году, когда писал казенный и продажный писак свое предисловие, на одной Украине, самой хлебобородной части России, умерло от голода до трех миллионов населения, преимущественно, крестьянского. А если считать умерших от голода в том же году в других частях СССР, то, судя по достоверным данным, всего населения умерло до семи миллионов душ. А в каком тяжелом и нищенском положении осталось и продолжает оставаться остальное население СССР?! Это уже не говорить о том, до какого разорения и обнищания доведены города и деревни СССР.

Все те ужасы и кошмары, которые происходили теперь в СССР, анархисты предсказывали в своей теории. И не мы, анархисты, виноваты в том, что трудящиеся России не могли дать отпор дикому большевизму. Разве капитализм довел на ред в своих странах до такого дикого крайнего рабства и произвола, до какого довел «научный марксистский» коммунизм в СССР?

Ложно и то утверждение большевиков, что они требуют уничтожения классов. Крестьянин, выращивающий хлеб, пухнет от голода. Много-миллионная страна рабочих, получающих низкие ставки заработной платы в СССР (от 60 до 90 руб. в месяц), с трудом концы с концами сводят и впадают жалкое существование. Советские же партийные главки, члены ГПУ и разная присосавшаяся, как пиявки, к советским аппаратам свора, получают от 300 до 500 рублей в месяц, им предоставляется возможность жить в лучших гостиницах и квартирах, лучше кушать и одеваться.

Вот какое уничтожение классов в СССР!

Анархисты борются против старых и новых классов, — новой советской буржуазии, которая, как грибы после дождя, быстро растет с ростом крупной государственной промышленности и, как саранча, пожирает все лучшее в стране. Для анархистов неважно, кто является паразитом — старая или новая советская буржуазия. Они знают одно — бороться с паразитизмом, откуда бы он ни исходил. Анархисты всегда стояли и стоят за безклассовое общество. Не будет классов, не будет сытых и голодных. Анархисты — за полное раскрепощение и уравнивание людей материально.

«Писак, — заключает Н. Парадизов после многих цитат Маркса и Ленина и голословного своего «утверждения» — в теоретическом отношении анархизм несостоятелен. Практически он безмогущ. Пышные фразы о неспровержении бога, капитала и государства в действительности нередко прикрывают самый пошлый оппортунизм и предательство. Таким предстал анархизм и в великой Октябрьской революции и в последней революции Испании».

За то, что анархисты не пошли с большевиками на захват власти и закабаление всего русского народа, каким мы видим теперь его через 18 лет, и отвергли «единый фронт» с большевиками в Испании — казенный критик называет их «предателями». Неправоту этого утверждения не приходится доказывать: она ясна всем, кто способен видеть и разбираться.

И только ослепленные «успехом» марксизма в СССР большевики, давно павшие нравственно, могут называть анархистов «предателями». Анархисты никого не предали и предавать не намерены. Они продолжают вести отчаянную и открытую борьбу с настоящими предателями, какими являются большевики с их демагогией.

Казенный сов. критик возмущается утверждением П. Кропоткина, что все марксистское движение — неревOLUTIONно и

враждебно подлинной революции. Кропоткин, говорит он, отрицал марксистское понимание теории, — история мстила за себя. И тут же бросает упрек Кропоткину за то, что он был за войну с Германией. О том, что кайзер в плембированном вагоне, снабдив деньгами, перевез Ленина и др. главарей большевистских «делать революцию» в России, казенный критик ничего не говорит. Когда же Кропоткин выступил 15 августа 1917 года на государственном совещании в Петрограде и сказал, что нужно взять оружие и прогнать немцев, стоявших возле Петрограда, за это Кропоткина тоже называет «предателем».

Кропоткин мог ошибаться, как свойственно ошибаться всем — большим и малым людям. Но ошибки — ошибками. Предательство же — совсем другое дело. Если кого-нибудь можно называть предателем, то уж ни в коем случае не Кропоткина. Предательство и злодейство совершают большевики в СССР 18 лет. К ним, а не анархистам, слово предатель подходит более всего.

Ложно также и утверждение «критика» о том, что Кропоткин признал в октябре великую революцию. Если бы он признал то, что приписывает ему Парадизов, то он не писал бы английским рабочим извещения письма и не советовал бы последним не идти по тому ложному пути, по которому пошла русская революция. Он также не советовал бы анархистам присоединяться к армии Н. Махно и вместе противостоять реакции справа и слева.

Заглаголивает Парадизов казенное предисловие словами: «В лице Кропоткина в могоду сошел выдающийся революционер,

крупный европейский ученый и создатель одной из самых выдающихся книг XIX века, печатаемых нами «Записок».

У большевиков выработалась настоящая собачья психология: полагать немного, ластом повивать хвостом. И неудивительно: спущенная с цепи хозяйская собака сначала лает на прохожего, но потом, подогнув хвост, спокойно лащится.

Советские казенные критики — хозяйские собаки. На то хозяин — государство и держит при себе собак, чтобы они лаiali.

Москва, 20 августа.

Д. Г.

БОРЬБА ПРОТИВ, ФАШИЗМА, В АРГЕНТИНЕ

Митинг, состоявшийся 15 сентября в парке Романо (Буенос-Айрес), организованный здешней университетской Федерацией в знак протеста против реакции, за разоружение фашистских легионов, против Евхаристического конгресса и т. д., завершился не без человеческих жертв. Полиция, чтобы разсеять собравшуюся публику и таким образом сорвать митинг, пустила в ход слезоточивые газы. Присутствовавшие на митинге фашистские банды начали стрелять в публику. На фашистские выстрелы публика ответила выстрелами по фашистам. В результате перестрелки один фашист оказался убитым.

В ответ на полицейско-фашистскую выходку, Университетская Федерация выпустила воззвание ко всем студентам и учащимся с призывом на борьбу против фашизма, а 26 сентября была объявлена всеобщая забастовка студентов на 24 часа.

В. Х.

НАШИ ЗАДАЧИ НА РУБЕЖЕ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX-го ВЕКА

Истоки современного анархизма теряются во мраке глубокой древности, поскольку история человечества сохранила воспоминание о ней. Несомненно, что родовой строй первобытного человечества вондошлет в себе начала анархического коммунизма. И столь же несомненно, что с момента завоевания одного племени другим зарождается государственная власть, а вместе с ней среди угнетенных зарождается и протест против власти человека над человеком, дающий начало анархическому движению.

Стихийные анархические движения древности и средневековья, представляющие первую ступень исторического развития анархизма, представляют собою жгучий протест против феодального строя вместо первобытного коммунизма. Это были движения массовые и коммунистические по духу.

На смену им приходит индивидуалистический анархизм, который представляет собою умственное течение среди интеллигенции, служащее как бы отдаленным эхом громовых раскатов анархической стихии. Карпократ в древности, а Штирнер — в прошлом столетии — наиболее талантливые представители этого движения. Индивидуалистический анархизм — вторая ступень развития анархизма. Если на первой ступени он носил подражательный характер и почти не имеет в своей среде сознательного меньшинства, то вторая ступень представляет собою пробуждение сознательного меньшинства при отсутствии необходимой связи между ним и массой.

С шестидесятых годов начинается история современного анархизма, являющаяся протестом против буржуазного строя. Коллективистический анархизм является третьей ступенью исторического развития анархизма. Он характеризуется партийной организацией сознательного меньшинства, слабой организованностью масс и

связью программных построений с идеологией производителя.

Четвертой ступенью является коммунистический анархизм. Он характеризуется слабой организованностью сознательного меньшинства (группы и небольшие федерации), слабой организованностью масс и хорошо разработанной идеологией потребителей.

Пятой ступенью служит анархосиндикализм, который характеризуется дезорганизованностью сознательного меньшинства, профессиональной организованностью масс, которым привита идеология производителей. Благодаря усвоению марксистской идеологии производителями, это течение стало вырождаться во фракцию государственного социализма.

Таким образом, перечисленные течения анархизма являются последовательно сменяющимися ступенями исторического развития анархизма. Сущность же анархизма остается неизменной со времен седой древности и до наших дней: отрицание власти человека над человеком, отрицание монополии средств личного и хозяйственного потребления, установление пользования предметами согласно принципу «каждому по потребностям» и добровольное соединение людей для удовлетворения их потребностей.

Сектанты, сросшиеся с особенностями анархизма той или иной ступени и не понимающие, что анархизм едкий, но в процессе развития проходит разные ступени, злистно стремясь повернуть назад колесо истории, желая, чтобы анархизм застыл на излюбленной ими ступени. Такие сектанты нанесли удар анархическому движению, пытаясь увековечить особенности отжившего уже перехода и помешать рождению нового периода — перехода анархического движения к следующей ступени развития.

Учитывая опыт Русской Революции, уроки анархического движения других

стран, а также и те вырождения анархо-синдикализма (стремление к экономической диктатуре) и одновременно оформление отличительных особенностей шестой ступени развития анархизма, — необходимо сделать следующие выводы.

Идеология потребителя, пашедшая свою разработку в экономическом учении Кропоткина, должна быть положена в основу экономического мирозерцания анархизма. В области же тактической необходимо осуществление следующих пяти задач:

1) Массовое творчество возникает из взаимодействия сознательного меньшинства и массы, а поэтому, в целях усиления влияния на массы анархического меньшинства, последнее должно быть организовано в партию:

2) всякая революция происходит в форме вооруженного восстания, для успеха которого анархическая партия должна заблаговременно организовать инструкторские кадры будущей партизанской армии;

3) никакое вооруженное восстание невозможно без предварительного разоружения армии буржуазных государств и поэтому анархическая партия должна развить самую широкую антимилитаристическую агитацию;

4) в целях воспитания масс в духе анархической культуры, анархическая партия должна:

а) вести среди молодежи, рабочих и крестьян пропаганду идей анархизма путем устного и печатного слова, используя клубы, школы, театры, музыку, пение, издательство и т. д.

б) организовать акты пропаганды действием анархических идей, организовав митинги, демонстрации, стачечное, противозаповедное и аграрное движение и т. д.

5) В целях пропаганды действием методов строительства анархического общества анархического общества, анархическая партия организует:

а) анархические коммуны,

б) либертарные кооперативы (потребительские кооперативы, организующие производство для удовлетворения потребностей своих членов и ведущие его личным трудом своих членов на основе интеграции труда), которые во время революции могли бы служить орудием проведения экспроприации буржуазии, а после этого, в сочетании с движением городов — садов могли бы прочные основы анархического коммунизма.

B.X.

УМЕР КАРЛ НОЛД

14-го октября 1934 года умер анархист — журналист Карл Нолд, в последнее время сотрудничал в «Мэн».

ЗАЯВЛЕНИЯ

1) Мы получили несколько пачек анархической литературы, где оказалось очень много таких ценных книг, как «Избранные Сочинения» М. А. Бакунина, «Взаимная помощь, как фактор эволюции» П. Кропоткина и «Умирающее общество и Анархия» Ж. Гравы. Желая пойти навстречу нашим читателям, мы решили, что всякому, кто пришлет 25 центов на пересылку, будет послана одна из вышеупомянутых книг.

2) Доводим до сведения всех анархистов, что нижеприведенные адреса анархических журналов новые:

«МЫСЛЬ И ВОЛЯ»

ул. Вестец 52 — София,
"MAN"

P.O. Box 115, San Francisco, Cal. U.S.A.
"L'ADUNATA"

295 Lafayette st., New York, N.Y.
U.S.A.

"NELLA MISCHIA"

Fontan Albin, 13 rue Pernety,
Paris (10) FRANCE.

"LA REVISTA BLANCA"

Calle Escornalbou, 37, Barcelona
SPAIN.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателей с журналом, как различные сообщения о мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.